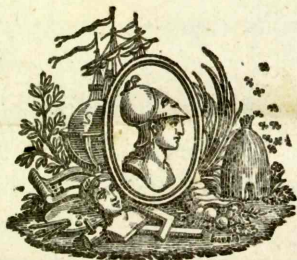

ПОЪЗДКА ВЪ РЕВЕЛЪ.

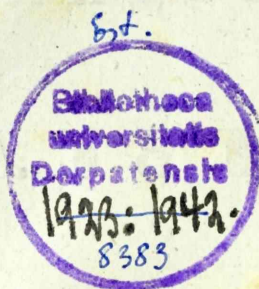
Сочиненіе А. БЕСТУЖЕВА,

Члена ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ Вольныхъ
С. Петербургскихъ Обществъ: Любителей Словес-
ности, Наукъ и Художествъ, и Соревнователей
Просвѣщенія и благошворенія.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ типографіи Александра Плюшара.

1821.

Печаташь позволено. С. П. Б. Юня 25 дня 1821 года.

Цензоръ Сп. Сов. и Кав.

И В. Т И М К О В С К О Й.

Сія книга продается въ С. Петербургѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Кусовникова, въ книжномъ магазинѣ Слѣнина.

ПОѢЗДКА ВЪ РЕВЕЛЬ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ревель, 29 Декабря 1820 года.

Желали вы — я общалъ,
Мои взыскашельные други!
Чшобъ я разсказамъ посвящалъ
Минушныхъ опдыховъ досуги,
И приключенія пуши
Вамъ описалъ какъ Дю-Паши;
Чшобъ я, пишомецъ праздной лѣни
И пѣснунъ прихошей еѣ,
Ловиль крылашихъ мыслей шѣни
Подъ сонное перо моѣ;
Чшобъ я, былова съ идеальнымъ
Разнообразныя чершы,
Воображеніемъ хрустальнымъ
Одѣлъ въ блестящіе цвѣпы
Поэзіи, всегда игривой,
Или веселости шушливой;
Я общалъ, друзья мои,
И увѣришельно и смѣло,
Когда звѣздилося *Аи*
И съ кровью рѣзвою кипѣло;

Теперь совсѣмъ иное дѣло:
 Мечшы сокрылись, былей нѣтъ,
 И я, грызя перо съ досады,
 Напрасно усшремляю взгляды
 Сквозь наблюдашелей лорнешъ:
 Здѣсь люди — люди, свѣтъ, какъ свѣтъ,
 А на ..... пешлицы,
 (Замѣчено изъ-подъ руки)
 Невьюшъ цвѣточныя вѣнки
 Парнасса милыя сесприцы.
 За тѣмъ напушный мой разсказъ
 Безъ пишическихъ прикрасъ
 Рука небрежная писала;
 И шакъ, друзья — начнемъ сначала.

Я распался съ вами — не надолго судя по времени, надолго по сердцу, и въ 7 часовъ вечера шлагбаумъ Нарвской заставы прогремѣлъ далеко за мною. — Кони ринулись и звонкіе колокольчики двухъ шроекъ заились на Пешергофской дорогѣ. — Морозъ былъ жестокой, небо лснѣло, мрачились мысли мои. — Одинъ сидѣлъ я въ саняхъ и вполнѣ чувствовалъ свое одиночештво. Смѣнивъ лошадей въ Спирѣльнѣ, мы помчались далѣе. —

Приближаясь къ Кипени, я бросилъ

взоръ на холмы и поля, окрестъ Дудергофа и Краснаго села лежащія. Тамъ каждое лѣто маневрируемъ мы и приучаемся къ будущимъ битвамъ: —

Бывало шамъ, когда Природа въ снѣ,
Гремѣла пушка зарева,
И всадникъ, по полю рисуясь на конѣ
Скакалъ, оружіемъ сверкая.
И вдругъ спекался къ спроу спрой,
Перунъ слышавъ боевой: —
Пѣхоша двигалась стѣнами,
Смыкались лашниковъ полки
И налешали козаки,
И, тихо вѣя флюгерами,
Улановъ приближался рой;
И лучъ денницы золошой
Дробился на шпыкахъ граненыхъ
И на dospѣхахъ вороненыхъ. —
Вошъ слышимъ: смирно, по мѣстамъ! —

И шолько, друзья мои. — Во Фруншѣ
пѣшъ разсказовъ. Ученъе кончилось; я запыленный, успалый, бросаюсь съ коня, и — уже подъ вечеръ выхожу подышашъ чистымъ воздухомъ на крупной скапъ горы, опкуда все море, весь Пешербургъ, видны какъ на ладони.

Тамъ съ милымъ Геснеромъ ночь тихую
встрѣчалъ,
И съ вѣчною фаншазіей крылашой;
Прощальной свѣтъ зари какъ роза, увядалъ,
И меркнулъ Западъ полосашой.

И мѣсяцъ — юноша, задумчивый, одинъ
Едва бросалъ лучи свои румяны;
Какъ море, въ глубинѣ обаявшихъ сномъ до-
линъ,
Дымилися махровые шуманы.

И шепчущій проспникъ, сверкающій ру-
чей,
И небосклонъ, безмолвіемъ угрюмый:
Все наводило грусть, и все въ душѣ моей
Унылы воскрешало думы.

Вдругъ пучи сизыя, какъ ворона крыломъ,
Одѣли сводъ небесъ; перуны запылали;
А мы, нешрепешны, подъ шрепешнымъ ша-
промъ
Шумъ бури смѣхомъ заглушали.

Блѣднѣла молнія передъ огнемъ ланишъ
Безпечныхъ юношей; за чашей круговою,
Бесѣду, прежнихъ бишъ въ рассказы живош-
воришъ;
И наспоющее смѣнялось спариною.

Внимая подвигамъ наѣзтниковъ полка,
 Душа, невѣдомымъ огнемъ воспламенялась,
 И взглядъ врага искалъ, и смѣлая рука
 За рукоящъ меча хвапалась.

Пріѣхавъ на спанцію Каскова, не на-
 шли мы лошадей; ворча сквозь зубы, во-
 шелъ я въ комнашы; съ досадою началъ
 разоблачаться и опицаивать оледенѣлые
 усы свои; а наконецъ, видя, что на гнѣвъ
 не выѣхавъ изъ Каскова, по-философски
 рѣшился опвесити свое сердце буылкою
 добраго вина.

Едва мы съ брапомъ принялись за проб-
 ку — колокольчикъ загремѣлъ подъ ок-
 номъ; въ одно мгновеніе, бренчанье сабли
 и грозной голосъ: »лошадей!« влѣпѣлъ
 въ слухъ нашъ, а усасный офицеръ, заку-
 шанный енопомъ, въ горницу. Эпо былъ
 Евгенийъ Кронъ, Маіоръ . . . .скаго Гусар-
 скаго полка, съ копорымъ я познакомился
 въ Пешербургъ въ шеапрѣ, а подружился
 у Фельеша въ респорацин. — »Добро по-
 жалованъ, сшарой пріяшель!« — обнялись,
 сжали другъ другу руки и, какъ водишся,
 побранивъ добрымъ порядкомъ и Почш-

мейсперовъ и проѣзжихъ, пристѣли за столомъ, и — пошли рассказы.

»Какой чоршъ несешъ шебя въ Ревель? (началъ онъ, закуривая свою огромную пирубку :) признашся, я не знаю эшого города, пошому чшо бывалъ въ немъ шолько проѣздомъ; но ежели судишь о всѣхъ городахъ Лифляндіи по Дерпшу и Ригѣ, шо я шоржесшвенно предскаываю шебѣ самую скучную скуку. — Живши недѣлю у воркуна дяди своего, подлѣ Риги, я всякой день зѣвалъ какъ Кремлевская пушка, и радъ, радъ, чшо вырвался изъ границъ любезной моей родины. — Тамъ люди — невольники своихъ часовъ: веселяшся по календарю, и на щепсахъ выкладываюшъ чувсшва. — Говоря эшо, я разумѣю о нѣкоторыхъ и шо о мужчинахъ, пошому чшо прекрасный полъ всегда и вездѣ любезенъ. — Въ Лифляндіи, особенно, недоспаешъ глазъ на красавицъ, очень милыхъ, весьма хорошо воспитанныхъ. Но не спрашивайше ихъ о сердцѣ, — эшо не принадлежишъ къ домоводству; не говорише съ ними о чувсшвахъ души: онѣ едва знаюшъ ихъ по часлышкѣ, и шо изъ сонника.» — Вѣрно

какая нибудь жестокая красавица, незахотѣвшая признавъ себя новымъ Пигмалиономъ, была причиною ѣдкой пвоей сапирѣ? возразилъ я съ усмѣшкою. — »Ничего не бывало, продолжалъ Кронъ: « я говорю безприспрасно, пошому что любовь моя къ женѣ служилъ мнѣ щипомъ прошивъ нападковъ въпренаго Амура. — »Ты женашъ? проказникъ Евгений, женашъ?» — И очень сурьозно, любезный другъ, и очень счастливо; но я женашъ дома, а не для пріятелей. — За здоровье жены моей! Мы чокнулись и словоохотный Майоръ продолжалъ: дивлюсь право, какъ по сю пору ты не зналъ объ эшомъ. Но я теперь расположенъ къ сказкамъ и хочу тебя посвятить въ таинства моей жизни. Прошу слушать:

»Родившись близъ Риги, я выросъ въ бѣлокаменной Москвѣ, учился въ Университетскомъ Пансіонѣ — и опъ того-то во мнѣ Нѣмецкаго оспалась одна фамилія. Родители мои умерли, и сшарой дѣдъ послалъ меня для окончанія курса Наукъ въ Гейдельбергъ. Какъ слѣдуешь истинному Студенту, я одѣлся самымъ глупымъ обра-

зомъ ; научился выпивать кружку зексшпунде съ одного приему ; спалъ на лекціяхъ , чпобъ не дремать въ пракспирахъ ; билъ спекла въ окнахъ Профессорскихъ и ломалъ рапиры на груди первыхъ бойцевъ Университета — однимъ словомъ , заслужилъ имя лихова реноммиста. Не проходило ни одной дуэли за канавное право (Gassen-Recht), гдѣбъ я не игралъ или дѣйствительной или помогательной роли, и всѣ поварищи ошдавали мнѣ первенство. Одинъ только Баронъ Эренсъ могъ спорить со мною и въ спрѣльбѣ и въ пинѣ и буанспвѣ : это былъ прерѣдкій человекъ ; благороденъ, уменъ, веселъ ; пылокъ какъ Арабская лошадь, и добръ, прошу не прогнѣваться, какъ я самъ. Съ перваго стакана, выпитаго на пы, мы спали неразлучными друзьями. Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ шалили и наконецъ вмѣстѣ насъ выгнали изъ Университета за дуэль, въ которой онъ былъ моимъ секундантомъ. Эренсъ поѣхалъ домой въ Пруссію, а я въ Россію, выученные всему, кромѣ того, чему должно учиться. Разспаваясь, мы помѣнялись саблями, копорыя нарочно зака-

зывали въ Солингенъ. На клинкахъ сабель по-Французски написано было: Истинному другу. Возвратившись въ Москву въ 1811 году, я вступилъ въ гусары Юнкеромъ; служилъ, худо ли, хорошо ли, но всю кампанію; дрался, былъ раненъ и награжденъ — да не объ томъ дѣло. Полкъ нашъ въ 1815 году спѣшилъ къ Ваперъ-Лоо, чшобы попить въ Парижѣ. На возвращеніи пуши я былъ однажды назначенъ бригаднымъ кварширѣромъ, и обогнавъ полкъ свой, ожидалъ его въ Лейпцигѣ. — Вечеромъ, вышелъ я на бульваръ города, нашелъ тамъ нѣсколькихъ Русскихъ Офицеровъ, и мы, засѣвши въ палашку, принялись за Шампанское. Нѣмочки, прелестныя какъ Майское ушро, мелькали взадъ и впередъ. Между прочими одна красавица, спашная, милая какъ Ангелъ, тихо прошла мимо насъ. — Клянусь грядущими усами своими, вскричалъ уланской Корнепъ Посвисшовъ: я бы охотно съѣздилъ двадцать разъ безъ очереди за фуражомъ, еслибъ эша дѣвушка позволила мнѣ поцѣловашъ свою перчанку. А я закладываю свою голову прошивъ Грецкаго

орѣха, сказалъ вашъ покорнѣйшій слуга, что поцѣлую у нее руку; у меня подумалъ значить сказать, а сказать — исполнишь, и я опсправился въ слѣдъ за красавицею. — Случай явился ко мнѣ на ординарцы; она уронила плашокъ, — я подлѣпѣлъ, поднялъ его, и, опсдавая съ лестнымъ привѣшомъ, преискусно поцѣловалъ миленькую ручку прекрасной незнакомки. Изумленный и сердитый видъ ее ясно сказалъ мнѣ: вы, сударь, наглець; а сзади меня яркой басъ на чисшомъ Нѣмецкомъ языкѣ повспорилъ шже самое. — Оглянувшись, увидѣлъ я высокаго Прусскаго Офицера, кошорый шрема шагами догналъ насъ. — »Сесшрица, сказалъ онъ испуганной дѣвушкѣ: садитесь въ карешу и поѣжайте домой — я скоро буду.« — Помогши ей сѣсть, онъ обратился ко мнѣ: »Государь мой, если вы храбросши не забыли въ шашкѣ съ своимъ разумомъ, шо дозвольте полюбопытспвованъ, шакъ ли же вы хладнокровны передъ саблею, какъ дерзки на обиду беззащитныхъ дѣвушекъ.« — Эшо меня взорвало; оба горячились, и дѣло кончилось, какъ водитися, шѣмъ, что

взявъ секундантовъ, мы оправились за городъ. — »На чемъ будемъ мы драться?« спросилъ онъ; — вѣрно не на сабляхъ, ошвѣчалъ я: мы Русскіе не любимъ въ сурьёзномъ дѣлѣ коммерческихъ сдѣлокъ. — Принесли писмолены. Пули покапились въ дуло; шомполы прозвучали часъ смерти. Шестъ шаговъ опщипаны были на барьеръ; еще по пяни должны мы были расхотѣться для прицѣла, и попомъ сходясь, спрѣлянь какъ вздумаешся; курки брякнули. — Позвольте узнать, началъ я — кого будете вы имѣть честь заспрѣлить? перебилъ онъ, — эшо вы узнаете послѣ моей или вашей смерти. Г. секундантъ счишайте, разы, мы гошвы. — Въ эшо время, какъ нарочно, вѣшеръ спануль фуражку, лежавшую на барьерѣ для означенія разсшоянія. Г-да, сказалъ одинъ изъ секундантовъ: вопкните пожалуйше сабли ваши вмѣсто барьера. — Мы оба вдругъ обнажили ихъ; золоченой клинокъ прошивника, какъ лучъ, освѣшилъ мои мысли: — въ немъ я узналъ — Барона Эренса.

Нужно ли сказывать, что мы бросились другъ къ другу въ объянія, и дуэль

была забыта. Для насъ только непонятымъ казалось, какъ могли мы узнатьъ одинъ другаго? Правду сказать, я по ложнымъ слухамъ не щипалъ его въ живыхъ и никогда не думалъ, что онъ вступитъ въ военную службу. Много воды утекло со дня нашей разлуки, и Эренсъ изъ милого мальчика сдѣлался полнымъ мужчиною. При томъ усы, бакенбарды, закрученные виски и загорѣлое лицо, до половины скрытое въ ворошинокъ ментика, вовсе его перемѣнили. Меня узнатьъ было тоже не легко: рубецъ на щекѣ, въ память Мон-Мартресскаго дѣла, пряпался подъ широкую перевязку и дѣлалъ меня копіею рыцаря печальнаго образа. Гнѣвъ ослѣпилъ насъ: мудрено ли, что мы обманулись.

Бранъ взялся испросить мнѣ прощенье у сестры своей, и, на радости его безвреднаго возвращенія, все было забыто. Родители Эренса приняли меня какъ роднаго; я испросилъ позволеніе, оспашься у нихъ еще на три недѣли и спрасио влюбился въ Эмму, которую я обидѣлъ изъ шалости. Подлѣ нее забылъ я гусарство и весь свѣтъ; вздыхалъ, надѣялся, боялся,

дѣлалъ тысячу глупостей, а говорилъ ихъ безъ счесть. Завтра надобно было ѣхать, а у меня слова замирали еще въ груди, чѣмъ объясниться съ Эммою. Сердце было полно, а голова пуста, какъ пуговица на парадномъ дуломанѣ. Наконецъ Эренсъ вывелъ меня изъ лабиринта сомнѣній: спросилъ ее, узналъ чѣмъ я ей нравлюсь, сказалъ спарикамъ, и дѣло сладилось. Я уѣхалъ съ обручальнымъ кольцомъ; возвратился чрезъ три мѣсяца еще влюбленнѣе прежняго, женился и скоро явился въ полкъ. Вотъ тебѣ весь романъ моей женитьбы. Я чрезъ глупой анекдотъ нашелъ несравненную жену; но былъ въ опасности заспѣлишь перваго своего друга, или погибнуть отъ руки его.» —

Лошадей запрягли, и мы разсѣлись.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Ревель, Декабря 1820 года.

Еще было темно, когда мы прѣехали на слѣдующую станцію. Многіе проѣзжіе спали на софахъ; маленькіе спутники мои, воспитанники ...скаго пансіона, задремали, сидя, пока перемѣняли лошадей; и я самъ чуть не заснулъ, — но комической голосъ въ ближней комнатѣ наспорожилъ слухъ мой ко вниманію: проѣзжій Нѣмецъ, ошмачивая биркезомъ свою искренность, рассказывалъ полусонному хозяину шпакшира испорію своей жизни. Чтوبъ судить объ удовольствіи, которое доставила мнѣ подобная встрѣча, должно было видѣть кубическую фигурку Орашора, его сановитый носъ, его ротъ едва засветнувшій ушами, и слышать сквозь полуотворенную дверь многоглаголивый рассказъ, нашпикованный повпorenіями. Я заспалъ романъ моего героя на главѣ женильбы; но это не помѣшало мнѣ узнать, что онъ кларнеписецъ Иванъ Ивановичъ Пошманъ; что его отецъ былъ громкой человекъ, потому что въ шеатръ игралъ на трубѣ; что бывшій

песнь его, гробовой масперъ, дѣлалъ самыя крѣпкіе гробы въ Пешербургъ, безъ печи и сквознаго вѣшру; чпо жена бранилась съ нимъ каждой день и била его всякое Воскресенье — однако же онъ любилъ ее за опличное искусство варить кофе, и ревновалъ, попому чпо это водилъся.

Но, взоръ за нею устрема,
Напрасно онъ гремѣлъ замками:
Лель видишь болѣе двумя,
Чемъ ревносшь тысячью глазами.

Попроспу сказаць, жена ему измѣнила. Подобрала себѣ въ Зигварны какого-то Апшекаря и принудила мужа заплашиць за разводную. — Спощической кларнеписиць не впалъ въ опчаяніе о поперѣ жены; геройски напился до пьяна на ее свадьбѣ, попому чпо его поили даромъ. Но съ шѣхъ поръ шоска грызетъ его сердце и желудокъ; уже никшо не можешъ угодишь на избалованный вкусъ его кофеемъ, и онъ мыкаетъ шеперъ свое горе по блюдицкамъ бюргер-клуба. — »Ахъ! welche prächtige Kafe! восклицалъ онъ, вздыхая какъ расдувальный мѣхъ, даромъ чпо въ немъ была половина цикорею. — Выхода посмошрѣшь,

гошовы ли лошади, я услышалъ, что онъ ѣдетъ въ Везенбергъ къ роднымъ, кошопрые рекомендовали ему одну рѣдкую кофеварительницу — и онъ рѣшается, проэкзаменовавъ ее въ искусствѣ варить кофе, «сочеташъ съ нею участь своего сердца и кофейника» — Будь эпосъ оригиналь въ Англіи, подумалъ я, тамъ бы на него написали поэму не хуже Гудибраса и не похѣ его самого. Я насилу нашелъ брата своего на другой половинѣ почтового дома; онъ споялъ подлѣ прекрасной, спройной дѣвушки, сидѣвшей на софѣ, и она показала мнѣ Діаною, Царицею ночи, зажигающею блѣдную лампаду свою на спящемъ небосклонѣ. — Все дремало окреспъ; свѣчка передъ нею едва плѣла, а братъ, какъ Борей, закушанный космашою шубою, довершалъ каршину. — Уступивъ прелеспной незнакомкѣ мѣсто свое, онъ всупилъ въ разговоръ, и мы узнали, что фамилія ее * * * рь и что она ѣдетъ изъ Ревеля. — »Опашъ раманическое приключеніе« думаете вы — и ошибешесь; вспрѣча началась пѣмъ, что я былъ въ большемъ замѣшательствѣ, вбѣжавъ закушанный въ

горницу. — »Pardonnez, madame!» бормоталъ я, схватившись за шапку свою, прикрѣпленную шрема Гордіевыми узлами; но шапка не снималась, — я съ минушу бился въ ней какъ Дмипріева Голубокъ въ силкѣ; спацилъ ее на глаза и наконецъ кое-какъ освободилъ свою голову изъ очарованной чалмы. Можете вообразить себѣ эту комическую сцену! Объявивъ шоржесшвенно брашу, о гошовности повозокъ, мы пожалѣли, что такая красавица не будетъ украшать собою Ревельскіе праздники; пожелали ей счастливаго пуши до Пешербурга, раскланялись и сѣли въ сани. Брашъ уѣхалъ впередъ; скоро и я пустился за нимъ же.

Вороша скрыпнули за мною,
 И я въ дорогу поскакалъ;
 Туманъ волнисшой пеленою
 Кругомъ всё поле заспиалъ;
 Блѣднѣя упренни поляны,
 Тонули въ сумрачныхъ зыбяхъ,
 И солнце на Воспокъ румяный
 Вдругъ вышло въ пламенныхъ лучахъ.
 Поля алмазныя зажглись,
 Туманы въ облачки свилися,

Полупрозрачною грядой
 На сводъ всбѣжали голубой. —
 Въ жемчугъ осыпанными снѣжный,
 Вѣшнями вѣшерокъ игралъ,
 Опъ соснѣ и опъ угрюмыхъ скалъ
 Просперлись шѣни перебѣжны.
 Яснѣло ушро , я скакалъ
 И съ скрыпомъ подрѣзи жужжали ,
 И быстро мимо насъ мелькали
 Лѣса и холмы и поля ,
 Опъ взоровъ небеса бѣжали ,
 Капилась изъ-подъ ногъ земля ;
 И снѣгъ, взвѣваемый конями,
 Лешѣлъ за рѣзвыми санями ,
 И будшо огненнымъ дождемъ
 Сверкая въ радугѣ цвѣшисшой ,
 На слѣдъ ложился серебрисшой.

Въ самомъ дѣлѣ какое прекрасное зрѣлище
 представляешь зимой восходящее солнце ,
 когда багрянымъ щипомъ выкапывается
 оно надъ заснѣженной землею! —

Между шѣмъ мы подвигались впередъ
 очень медленно , оспанавливаясь вездѣ или
 обѣдашь , или завпракашь , или пишь кофе,
 или согрѣвашъ своихъ спутниковъ , ко-
 торые едва опшпаивали, шо и начинали рѣз-

виписья. — Иногда появлялось у меня, спящаго, углемъ намаранное прибавленіе къ усамъ; иногда комокъ снѣгу невидимо прыгалъ за галспукъ — и я хохопалъ съ ними въ чеснѣ минувшаго дѣйствія. — Въ 4 часа, 24го Декабря, мы проѣхали черезъ Ямбургъ (прежній Ямъ), сползій на двухъ крушыхъ берегахъ Луги; городокъ небольшой, но весьма чистый, съ прекрасными казенными зданіями и церковью. Сколько разъ взявъ онъ былъ Рыцарями Тевтоническаго Ордена! сколько разъ въ снѣнахъ своихъ, шеперь уже несуществующихъ, видѣлъ Русскихъ и побѣжденных и побѣдишелями! сколько разъ небо его раскалялось заревомъ пожаровъ!

Въ 8 часовъ, объѣзжая Нарву, я пожалѣлъ, что не имѣлъ времени осмопрѣть ее. Черныя башни замка вздымались на скалахъ; индѣ раздавленные временемъ снѣжны вѣсли надъ Нарвою, и надъ шпичами башенъ и церковей гошическихъ разширялъ крылья свои мракъ ночи.

За Нарвою начинаешся Эспонія; уже не видно богатыхъ почшовыхъ домовъ; лошади и люди малы; лѣсъ рѣдѣетъ по

мѣръ приближенія къ Ревелю, и дорога съуживается поспешенно. — Плишныя хижины обиташелей, разсѣянные между куспарниками, рѣдко спояны деревнями. На каждаго двухъ или трехъ версахъ видны дымныя корчмы, безъ полу, съ огромнымъ въ углу каминомъ. Въ нихъ-то закопченые Эспонцы, съ всклокоченными и висящими по поясъ волосами, покояшся вмѣстѣ съ козами и шелятами; въ нихъ паръ ходитъ по низу, а дымъ по пошолку. Входя шуда, я думалъ каждый разъ видѣть себя въ подземномъ Плупоновомъ царствѣ, и, выходя на чистый воздухъ, всегда говорилъ, любуясь на черныя лица и грязныя спѣны Эспонскія: хороша Природа — когда её вымоютъ.

Однако, сославивъ, подобно Жуи, науку замѣчанія — изъ правила: слушаешь богатыхъ людей и заспавляешь говоришь бѣдныхъ, — я узналъ, что состояніе здѣшнихъ крестьянъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, весьма улучшилось вліяніемъ поспешенной свободы, Монархомъ нашимъ данной. Владѣльцы, содѣйствуя цѣли мудраго Правительсва, видимо полу-

чающъ опъ сего выгоды ; землепашество
цвѣтешъ въ эпомъ краю ; — винокурение
ободряешъ оное , и Эспонцы мало по малу
опвыкающъ опъ пьянства , лѣни и всѣхъ
пороковъ , невѣжество сопровождающихъ ;
— но , друзья мои , я пишу не книгу и не
изъ книгъ , а поному любопытнымъ чина-
телямъ совѣшую прочешъ сочинение : *Es-
sai critique sur l'histoire de la Livonie*, въ
кошоромъ подробно описано насшоящее по-
ложение всей Ливоніи. X

Не знаю , случилось ли вамъ , друзья мои ,
испытывашъ переходъ опъ бдѣнія ко сну ,
какой я всегда испытываю ; иногда бы-
ваешъ онъ вовсе не послѣднимъ сномъ и
часто замѣняешъ оной физически : — мы-
сли нечувствительнo смѣшивающся , блѣд-
нѣющъ , меркнушъ ; ухо внимаешъ еще
внѣшнимъ звукамъ , но уже сливаешъ оные
съ неясною внушреннею мечшою ; еще
нишъ послѣдняго понятія , какъ бы сопря-
саясь , повременно даешъ себя чувствовашъ ;
но какой-то хаосъ шуманишъ воображе-
ніе и память , спущывая все въ одно невы-
разимое ощущение ; еще грезы не изгла-
живающъ воспоминанія о пребываніи шѣ-

леснаго соспава, какъ эшо бываетъ въ сновидѣніяхъ, но шѣмъ непримѣннѣе онѣ увлекающъ и обманываютъ чувсва. Не могу описатьъ, что я вижу и слышу тогда; но знаю, что въ подобной дремошѣ имѣю особый кругъ знакомсва въ мысляхъ, въ изображеніяхъ и въ мѣстахъ; — открываю глаза, и съ минушу мечны сіи продолжающъ на меня свое вліяніе; но по мѣрѣ шого какъ понятія и чувсва приходящъ въ порядокъ — онѣ удаляются, исчезающъ, подобно шѣнямъ фантасмагоріи, наконецъ не оставляющъ по себѣ ни малѣйшаго впечатлѣнія, никакого воспоминанія. — Мы ѣхали на перекладныхъ, и я, упомянутый двухдневною безсонницею, лежалъ на саниахъ часу въ 8 ушра, погружаясь въ такую дремошу, и хоща пробуждался при каждомъ скачкѣ по камнямъ, но уже гошовъ былъ забышся; — вдругъ сани опрокинулись, и я вылетѣлъ вонъ: ударъ былъ жестошъ; грянувшись головою о снѣгъ, я потерялъ памяшъ; мнѣ казалось тогда, что ударили въ огромной колоколъ! ... но когда пришелъ въ себя, шо сожалѣлъ, что не былъ зришелемъ своего па-

денія, съ котораго можнобъ было нарисовать презабавную каррикашуру: я, какъ Сципіонъ Африканскій, нехопш лобызалъ землю чуждую; мой Санхо-Панса барахтался подъ чемаданами, а засаленной Эспо-нецъ вылъзалъ въ шреухъ изъ подъ саней. Двоица смирныхъ коньковъ хлопала ушами, смошря на наше горе, и шѣмъ довершала пейзажъ. — Не впервые случилось мнѣ упасшъ, но впервые шакъ неудачно. — Съ шрудомъ, поднявъ больную свою голову, я доѣхалъ до почшоваго двора, проклиная землю, гдѣ и на сухомъ пуши должно бояшся подводныхъ камней.

Надобно пушешешшвовашъ, чшобъ научишся, говоряшъ всѣ; я думаю: надобно учишся, чшобы съ пользою пушешешшвовашъ. Тогда всякой предметъ, одушевленный воспоминаніемъ, принимаешъ новую жизнь и голосъ. Я испышалъ эшо, проѣзжая мимо мѣшечка Магольма, извѣшшаго бшшвою Рыцарей Ливонскихъ съ войсками Великаго Князя Іоанна, дѣда Грознаго, въ 1501 году. Сорокъ пысячь Русскихъ и Ташаръ двинулись наказашъ ослушныхъ данниковъ Россіи — Меченосцевъ. Досшойншй прошивникъ на-

жидалъ ихъ : эпо былъ мужеспвенный Гер-
мейсперъ, Вальсперъ фонъ-Плешшенбергъ,
человѣкъ мочный плѣломъ и душою, со-
вѣшный въ мирѣ, спрашный въ бояхъ.
Здѣсь соспунились полки Русскіе съ желѣз-
ными эскадронами Ордена ; вчешверо бы-
ли Рыцари слабѣ нашихъ числомъ, въ де-
сять разъ сильнѣе успройспвомъ. Грянула
аршиллерія Нѣмецкая, покапился бѣглый
огонь ружейный — и Псковишяне дро-
гнули, побросали оружіе и увлекли въ
бѣгспво дружину Московскую. Воевода Тен-
шинъ и Бояринъ Бороздинъ легли на мѣ-
спѣ : не великъ былъ уронъ нашихъ мер-
твыми, великъ спыдъ живымъ. Плешшен-
бергъ преслѣдовалъ бѣглецовъ ; опражен-
ный опѣ Изборска, выжегъ его предмѣспіе
— и шрагедія кончилась комически. — Въ
войскѣ Нѣмецкомъ случилась презабавная
болѣзнь, и оно, разслабленное недугомъ и
шпудами, едва могло съ важнымъ урономъ
уйши восвояси. — О мѣспѣ сраженія лѣ-
шописи не согласны : Русскіе назначающъ
его на рѣкѣ Сирицѣ, неподалеку опѣ Из-
борска ; Арндшъ и Гадебушъ, здѣсь. По-
слѣднее оправдывается преданіемъ, чпо

Плешенбергъ, предъ биспою, далъ обѣщъ въ случаѣ успѣха поспроишь церковь — и поспроилъ ее. Развалины ея и донинѣ видны, версмахъ въ шрехъ ошъ дороги, близъ станціи Гохен-Крейцъ.

Далѣ, на крушой горѣ, видѣнъ полу-разрушенный замокъ Везенбергъ, знамени-тый своими бѣдами, богатый испориче-скими воспоминаніями. Будучи порогомъ въ обласнъ Ревельскую, онъ былъ взятъ и сожженъ болѣе 20 разъ, Дашчанами, Русскими и Поляками. Часны и ужасны были съчи въ спѣнахъ и подъ спѣнами его; но доспопамяннѣ всѣхъ была биспа Нѣмцевъ съ дружинами Новагорода, Ладоги и Пскова въ 1268 году.

Михаилъ и Димитрій сыны Ярослава, предводили ими. Русскіе съ порохаи (орудіями) спѣнобишными шли осаждашъ Дашчанъ въ Везенбергъ, и вспрѣпили нежданыхъ враговъ въ Рыцаряхъ Тевтонскихъ, кошорые, обѣщавъ имъ пріязнь, измѣнили чеспному слову и незапно явились передъ полками Новгородскими. Креспоносцевъ вели : Магиспръ Опппо Фонъ-Роденшпейнъ и Александръ, Епископъ Дерпшскій. — Рос-

сіяне изумились, но не оробѣли, перешли впередъ за рѣчку Кеголь, ударили дружно, врѣзались въ ряды непріятельскіе, гибли и губили; тысячи падали, ни кто не отступалъ. Лишь одинъ Князь Юрій Андреевичъ «далъ плечо,» какъ говоришь лѣшописецъ, «можешь перевѣшъ (измѣна) былъ въ немъ; Богъ вѣснъ.» — Посадникъ Новгородскій Михаилъ и много чиновныхъ людей убино, еще больше пропало безъ вѣсти; но Димитрій смялъ Рыцарей, и до поздней ночи билъ и гналъ ихъ подъ стѣнами самаго города. — Дорого сполла Нѣмцамъ бишва, еще дороже Русскимъ побѣда; и они, просшоявъ шри дни на косяхъ (т. е. на полѣ сраженія), ушли домой. Пянь тысячъ воиновъ Русскихъ и 1300 Нѣмцевъ пали. Епископъ Дерптскій былъ въ числѣ сихъ послѣднихъ. «Ни ошцы, ни дѣды наши не запомнятъ шакого сраженія,» повѣсшвуенъ лѣшописецъ Новгорода!...

Безъ особенныхъ приключеній добрались мы, въ самое Рождество Христово, до послѣдней станціи къ Ревелю. Уже было 7 часовъ вечера, какъ мы пустились въ до-

рогу, и долго ѣхали по едва набишпой про-
пѣ; вдругъ порхнулъ снѣгъ, сгустился,
поднялась вьюга, и обширная пущыня мор-
скаго берега взволновалась подъ крылами
бушующаго вѣтра. Гранные камни, озна-
чающіе путь, начали скрываться; снѣгъ
ослѣплялъ глаза, вихорь замешалъ дорогу;
наконецъ и слѣдъ ее исчезъ. Не такъ ли,
думалъ я, исчезнемъ и мы!...

Промчался вѣки въ слѣдъ вѣкамъ
За улепающимъ мгновеньемъ,
И смерть по жизненнымъ пущамъ
Запорошитъ нашъ слѣдъ забвеньемъ!

Долго кружились мы по произволу ко-
ней; сани опрокидывались ежеминутно, и
въ десяти шагахъ горизонтъ сливался съ
землею. — Уже прошло три часа, какъ
мы, измученные исканьемъ дороги, бродя
по поясъ въ снѣгу, по надѣясь, по теряя
надежду, скипались въ безбрежномъ морѣ
снѣговъ. — Холодъ умножался, иней съ вѣ-
тромъ проникалъ всюду, и я въ самомъ дѣ-
лѣ началъ бояться заморозить своихъ спущ-
никовъ. Къ большому несчастію, полупья-
ные и вовсе глупые извозчики не разумѣли
по-Русски и не слушали насъ; однако же

грозящій фухшель убѣдилъ ихъ ѣхать по вѣпру — и черезъ полчаса мы едва не упали съ утеса горы Лакс - берга — одна лошадь оборвалась, — выскочивъ изъ саней, мы увидѣли, что не вдалекѣ, внизъ бѣжала проселочная дорога ; и обрадованные, хопя обмокшіе, приѣхали въ обѣшванную землю, въ Ревель, — въ Ревель , друзья мои, опкуда я пишу къ вамъ эштѣ бѣглыя спироки.

Закруженный вихремъ танцевъ, я хранию, до свиданія съ вами, подробности моего приѣзда ; умалчиваю о удовольствіи найши въ человѣкѣ, къ копорому были мы адресованы въ городѣ , умнаго и веселаго шоварища , юношу лѣтъ двадцати, съ совершенно рыцарскимъ характеромъ Бялрдовыхъ времянь. Онъ Адьюпанштъ Адмирала С—а ; фамилія его Г—ль. Вы знаете, что между военными скоро снуется знакомство, а между людьми, у копорыхъ сердце наспроено искренносною , знакомство естѣ дружба, и мы въ два часа, проведенные за полночь — будшо вѣкъ другъ друга знали.

На другой день, явившись ко всѣмъ начальникамъ , я опсправился на форшпанштѣ

къ Генералу Л. В. С—ву ; къ тому самому, копорый пригласилъ меня посѣпить Ревель. Онъ былъ очень доволенъ, что я сдержалъ данное слово, — а я былъ очень радъ его увидѣть. Въ его-то почтенномъ семействѣ, друзья мои, и вдали отъ васъ провелъ я пріятнѣйшіе часы, кажется, ушаенные отъ золотого вѣка. Если бы вы поручили мнѣ абрисовать образецъ маперина, кисть моя начерпала бы его супругу : съ Патриархальною простотою слились въ ней любезность и просвѣщеніе нынѣшняго вѣка, здравый умъ съ рѣдкою доброю душевною. — Маперинская нѣжность ея лелѣетъ юныя опрасли, возвращенныя, образованныя ея рукою ; за то общее уваженіе и любовь примѣрныхъ дѣшей служащихъ ей наградою. Самъ Генералъ споль же дѣятеленъ по службѣ, какъ милъ въ обществѣ. Служа опеческву словомъ и дѣломъ, онъ одну правду чнилъ своею богинею ; въ его пятидесятилетней груди волнуется чувства пылкой юности, и двери сего ревностнаго защитника польза человечества не закрывающа для добрыхъ людей, а кошелекъ и сердце для несчастныхъ.

Въ дома: Главнаго Командира, Губернатора Гражданскаго, Флорскаго начальника и другіе, госпепріимспво пригласило насъ, а ласковоспъ къ нимъ привязала. Однимъ словомъ: я, призванный сюда изъ шумной споллицы духомъ любопыспсства, долго бы оспался здѣсь по чувспвамъ души. Здѣсь узы мѣрнаго эпикемна не шпачапъ молодоспни, и не скучаюпъ сппароспни. Общеспво ограничиваепся кругомъ небольшимъ, но избраннымъ и, не смоспря на неизмѣнноспъ, разнообразнымъ. Здѣсь уже знаюпъ шѣхъ, кого любяпъ, и вѣрно любяпъ, съ копорыми знаюпся; ибо не на пуспомъ приличіи, а на взаимномъ уваженіи основываепся знакомспво.

Я прежде слышалъ, и шеперь испытываю, что въ провинціяхъ веселяпся болѣе и веселѣе, чѣмъ въ спполлицѣ; шеперь въ Ревелѣ хоспя не пора баловъ, но ни одного дня не проходипъ, что бы мы не были приглашены на обѣдъ или на вечеръ. Едва отпкрываешь глаза, и приглашенія являющпся вмѣспъ съ чашкою кофе. Тамъ ждупъ насъ пріятельскія усприцы и Гохгеймское на завпракъ; шуда манипъ одушевленный

вечеръ , и я право на полешѣ ловлю свободныя минушы для разсмащиванія рѣд-
косней города. X

При шомъ до аншиковъ ли мнѣ, друзья мои, между юными обипашельницами здѣшняго міра, споль близкаго къ идеалу моей Ушопи. Здѣсь бы, въ нѣдрѣ семействъ, долженствовало Жанъ - Жакъ списывать правила воспитанія, и тогда бы не меншоръ воображенія, а пламенникъ опытноспи былъ вождемъ Эмиля. Сюда призывалъ бы я нашихъ модныхъ мащерей, чшобы показашъ имъ испинный долгъ мащери, супруги и средспва бышъ свѣтскими женщинами, не измѣняя оному. Воспитаніе дѣшей здѣсь первое заняшје родипселей, а добрыя дѣши первое ихъ убранство. Здѣсь мащъ, совершивъ свой долгъ, не краснѣшъ взролой дочери, подобно шѣмъ, у коихъ, въ невозвращное время воспитанія, взоры блуждали по ломбернымъ споламъ или привѣщсповали ласкашелей.

Здѣсь и безъ Французовъ всѣ дѣвицы говоряшъ очень хорошо по - Французски. — Въ разговоръ съ ними коснувшисъ даже предмешовъ, невходящихъ въ сосшавъ

дамскаго шуалеша, не боишься краснѣть за ихъ незнаніе, что (не въ укоръ между нами) случается иногда при нашихъ красавицахъ. На примѣръ, здѣсь никто не спросишь, можно ли въ Америку проѣхать бѣрегомъ? или сколько лѣтъ продолжалась семилѣтняя война? не будешь даже уверять, что Малекъ-Адель былъ первой героиней Истории, потому что Мадамъ Кошень это писала. — Здѣшніе балы не походятъ на столичные, откуда такъ часно возвращаешься съ пустою въ душѣ, съ дремою на глазахъ и съ пылью на платьѣ. На нихъ не вступиши съ шумною толпою фанфароновъ, которые у насъ скучаютъ паркетамъ и съ важнымъ видомъ рассказываютъ обвѣнчальныя пусняки; они

Довольные собою сами
И шуты оспрошай чужой,
Всѣхъ душай скукой выписной,
Любезносшми и духами. —
Кокешокъ не увидишь шамъ
Разряженныхъ не по лѣшамъ,
Которыя составъ скудельной,
Цвѣщая гирляндю поддѣльной,

И снова думая блеснуть
 Давно забытой красою ,
 Холясь подъ сѣтью кружевною
 Свою аншическую грудь
 Зефиромъ купленнымъ надуть ;
 Незнаемы чувствъ ложныхъ взоры ,
 Расписанныхъ не видно лицъ ,
 И лестью жишелей сполицъ
 Тамъ не румянясь разговоры ,
 Насмѣшекъ , пересудовъ нѣтъ ,
 Незнаемъ философской бредъ ,
 И колкость шутокъ неизвѣстна ;
 Веселость сердца не шумна ,
 Тамъ и заспѣчивость прелестна
 И прелестъ самая скромна ; —
 Дѣвицъ заёмной мишурой
 Ни умъ , ни платье не блистаетъ ,
 Но ихъ невинность украшаетъ
 Неопцѣваемой красой.

Въ самой вещи , здѣсь рѣдко увидишь
 лешую перья , копорыя такъ удачно дамы
 наши избрали эмблемою своего легкомы-
 слія , или Райскую ппичку на головѣ какой
 нибудь Медузы. Переходя сюда , Пепер-
 бургскія моды перяютъ спранныость свою ,
 и пошому недоспашокъ ее замѣняютъ
 здѣсь вкусомъ. Въ ушѣшеніе красавицъ

нашихъ скажу, что я невѣжда въ нарядахъ, и пошому, спаненіе, не восхищался чудесными ихъ модами; а себя въ оправданіе привожу извѣстный Грессетовъ стихъ: «Vous savez: sur les goûts on ne dispute pas.»

Любя во всемъ чистые дары Природы, я предпочитаю ихъ прихотливымъ выдумкамъ роскоши. А гдѣ Природа была роскошнѣе въ щедростяхъ своихъ, какъ не здѣсь? Посмотрите, какія правильныя черты у этой спростой блондинки; какая выразительность въ лицѣ у той темнорусой красавицы; какая жизнь въ этихъ черныхъ глазахъ! Полюбуйтесь свѣжестью краски, нѣжностью у всѣхъ. Но, что бы описывать женщинъ здѣшнихъ, я скажу, какъ Сегюръ: надобно омочить перо въ радугу и засыпать пухомъ съ крыльевъ бабочки; а шеперь, друзья мой, нѣтъ ни радуги, ни мошлыковъ. Здѣсь едва ли можно счесть прекрасныхъ, у насъ едва ли можно насчитать ихъ весьма скудное количество! . . . Предоставляя разыскивать тому причины гг. Физиологамъ, думаю однакоже, что красота нравственная имѣетъ большое вліяніе на красоту физическую;

а образъ жизни опцевъ и дѣшей поддер-
живаешъ оную въ здоровѣ и свѣжести.
на примѣръ, здѣсь не приучающъ дѣшей ни
къ чаю, ни къ прянымъ кореньямъ, безвре-
менно прищупляющимъ вкусъ. Здѣсь сонъ
не знакомился съ солнцемъ, обѣдъ не ждетъ
вечера, балы не гоняющся за полуночью;
за то и госпи и хозяева веселы, живы; за
то и цвѣтъ лица ихъ спорилъ только съ
розами, а не съ лимонами; за то и здо-
ровье ихъ печетъ споль же регулярно,
какъ ихъ жизнь. Конечно, естъ безразсуд-
ные люди, которые называющъ ее прозя-
беніемъ, а не жизнью; смѣющся надъ нею,
пошому что сами не могутъ жить по-
добнымъ образомъ; но истинное спокой-
ствіе сокрыто въ глубинѣ души мирныхъ
обитателей Лифляндіи, и никакой въперъ
моды не выведетъ его опшуда софизмами. X

Въ Ревелѣ многіе говорятъ по-Русски,
почти всѣ по-Французски, но любимый
языкъ Нѣмецкій. Въ самомъ Русскомъ
кругу замѣтно это приспращіе; и даже
нѣкоторые земляки мои знаютъ лучше
Германскій, нежели свой природный языкъ;
впрочемъ и у насъ это не диво. Сначала

меня пугалъ такой Германизмъ, но мало по-малу я съ удовольствіемъ привыкъ къ нему, когда рѣзкія фразы Нѣмецкія, вылетавшая изъ прелестныхъ губокъ, смягчались, и, слившись съ гармоническимъ голосомъ, звуками своими ласкали слухъ мой. —

Чиспоша въ домахъ Ревельскихъ привлекательна; не роскошь, но вкусъ царствуетъ за сполами, и опрятность на поварнѣ. — Если вы хопите заглянуть и шуда, то увидите чиспенькую, румяную повариху въ бѣломъ передникѣ, которая въ горящую какъ золото посуду наливаетъ свѣжій супъ, и все приправляетъ не оправами, какъ у насъ, но самимъ аппетитомъ. Между прочимъ замѣтите вы, что красота здѣсь обща всемъ классамъ; она зрѣетъ равно при восковыхъ свѣчахъ лучшихъ обществъ и при пламени скромнаго очага.

Но свѣчка моя гаснетъ; уже ночной стражъ (Nachtwachter) просвисналъ (1) два часа за полночь: до перваго досуга прощайте друзья мои; Морфей вѣетъ крылами и обѣщаетъ предсавитьъ всѣхъ милыхъ сердцу.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Ревель, 31 Декабря. Утро.

Вчера я былъ въ здѣшнемъ театрѣ. Онъ не великъ, не богатъ украшеніями, за то въ немъ хорошо видно и слышно, а еще чего нибудь спойшь. Аншпр-пренёръ его, бывшій Актеръ Цесербургской труппы, Г. Гебгардъ. Давали трагедію: Разбойники на Кульмской горѣ; одинъ Гебгардъ игралъ въ ней хорошо, еще двое порядочно, прочіе едва сносно. Я сидѣлъ подле С—ни, новаго знакомого моего любезнаго весельчака и извѣснаго въ Нѣмецкой Словесности лирическаго: онъ на каждую сцену дѣлалъ комментаріи и комикобиографически полковалъ о всемъ и о всѣхъ; въ оперѣ нашей занимали мѣсто и Актеры и зрители, даже мы сами. Для чего, спросилъ я, декоратору вздумалось предсавить зиму тамъ, куда уходящъ съ бала прогуливащъ еще красавицы и въ такомъ легкомъ нарядѣ? Конечно дѣйствіе происходишъ на горахъ, но вѣрно не на верхушкѣ горъ? »Вы, г-да пріѣзжіе, очень прихотливы, ошвѣчалъ онъ. Декораторъ

нашъ чловѣкъ расчепливой : онъ знаешь, чпо мѣлъ дешевле зеленой краски, а до ходу пьэсы ему вовсе нѣтъ дѣла. Да и на вашемъ театрѣ я видѣлъ чудеса, еще забавнѣе здѣшнихъ; на пр.: въ драмѣ Ермакъ, спанъ Кучумовъ расположенъ, гдѣбъ вы думали? — на Аѳинской площади, писанной для Эдипа; видѣлъ вашу Дидону въ кружевахъ, Испанцевъ въ Польскихъ коншушахъ, а воиновъ Финталовыхъ въ Рыцарскихъ перчашкахъ и въ Русскихъ шишакахъ съ хвостами; видѣлъ, какъ левъ сморкался на сценѣ, видалъ и много шому подобныхъ вещей. Но обратимся къ пьэсѣ: видишь ли какъ меподически гг. разбойники рѣжуютъ прохожихъ: эпо еще цвѣтки; у насъ есть шрагедіи, въ кошорыхъ въ шрешьемъ дѣйсшвіи всѣ персонажи перебьютъ другъ друга, и въ двухъ оспальныхъ играють шѣни умершихъ. Случающся даже шакія кровопролитія, чпо партеръ шонепъ въ крови.» О, если эпо случится шеперь, возразилъ я, шо намъ можно будешь выплыть на коншр-басѣ, кошорый заслоняетъ онъ зришелей половину сцены. »Нравится ли тебѣ игра эшого

высокаго челоуѣка, у котораго первой эпажъ его костюма принадлежишь къ прошлому столѣтію, а другой выдумкъ нынѣшняго порпнаго?» спросилъ меня С...ни. Если ходишь называешься играшь, то и онъ Акперъ, былъ мой опвѣтъ; онъ мастерски рѣжетъ головы и деретъ намъ уши. Но для чего онъ прячетъ подъ епанчу руки свои, будто Капонъ Ушиксій? — »Для того же самаго, для чего онъ приѣхалъ на балъ въ оленьихъ сапогахъ: въ отношеніи къ приличію, эшо смѣшно; но въ шеапрѣ весьма холодно, и эшо очень благоразумно; à propos des bottes: каковы кажутся тебѣ наши Акприсы.» Не знаю ихъ вблизи, но мнѣ здается, что одна изъ нихъ не очень хороша, за то другая очень не хороша; и эша другая, не знаю по чему, распворяетъ рошъ весьма широко, а говоритъ весьма тихо? »Она любитъ рассказывать секреты себѣ на ухо,» отвѣчалъ С-ни. Мнѣ помнится, я видѣлъ гдѣ-то фізіономію Акпера, играющаго теперь роль Буффа? продолжалъ я. »Не мудрено, что она кажется тебѣ знакомою, сказалъ соседъ мой: ты приглядѣлся на его велича-

вый поршреть на карпузахъ канасперу
..... но послушай, какъ зришели аплоди-
рующъ сумасшедшему Рыцарю, хопя Ак-
шеръ, его играющій, смѣшишъ, вмѣсто по-
го, чпобъ прогашъ; и признайся, чпо ро-
ли дураковъ и безумныхъ, на сценѣ и на
шеатрѣ свѣща, самыя благодарныя; ибо
всѣ увѣрены, чпо сами ихъ умнѣе. Одна-
ко же пьеса приходишъ къ концу, и чпо
бы не сказали будпо мнѣніе наше о ней
односпоронно, перейдемъ - ка на другую
спорону кресель.» Смѣясь, мы перемѣнили
мѣста, и въ разговорахъ не замѣтили, какъ
съ пыльных облаковъ слезѣла занавѣсъ.
— Добрые здѣшніе мѣщане упирали плаш-
ками слезы, пошому чпо на афишкѣ воз-
вѣщена была Трагедіа, а не комедія; мы
же ошправились въ акціонъ-клубъ, и шамъ
за бупылкою вина увѣнчали Ревельскую
Мельпомену вѣнцемъ Таліи.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Ревель, 3 Генваря 1821 года.

Завтра опшодитъ почта, друзья мои, и это письмо будетъ предпечено скорого свиданія съ вами. — Желаю видѣть васъ, но, признаюся, еще болѣе — хочу ошашъ-ся въ Ревель. Кшо разгадаешъ пеперь сердце человѣческое? мое? кшо взвѣсишь въ немъ спрасъ къ новому и привязанности къ старому — сіи центральныя силы спрасней нашихъ? Не понимаю себя, но чувствую, что люблю васъ не меньше прежняго, любя другихъ не меньше васъ: эластическая цѣпь дружбы не теряетъ силы своей, обнимая и многіе предметы.

Я встрѣшилъ новый годъ очень весело, а вы знаете, что душевная веселость цвѣшетъ во мнѣ столь же рѣдко, какъ цвѣтъ на алоэ. Это случилось въ домашнемъ маскарадѣ у Генерала С-ва. За два дни намъ вздумалось маскироваться, и вдругъ жилище наше превратилось въ швальню. Братъ мой избралъ костюмъ Арлекина, я Бедуина Аравійскаго. Въ 8 часовъ, приѣхавъ шуда, я нашелъ уже лучший кругъ Ревель-

скій собраннымъ. Разнопеспрыя маски мелькали, шолпились, обманывали, узнавая другъ друга, и обманывались въ свою очередь. — Жишели всѣхъ спранъ, въ древнихъ и въ новыхъ испорическихъ коспюмахъ, собрались сюда какъ на площадь Смирны или въ Крешовый походъ. Здѣсь Лапландецъ, забывъ снѣга и лыжи, прогуливался съ Аркадскою паспушкою; шамъ важный Сераскиръ кружился съ Финскою крешьянкой, или блиспашельный Танкредъ вальсировалъ съ Русскою красавицею. Французская пудра сыпалась въ бороду Рижскаго кавалера, фишбейны цѣплялись за кинжалъ разбойника Пальмиры, или покрывало Веспалки за чепки Капудцинскія. Вдругъ огромная сахарная голова приманила къ себѣ шолпу: — любопышство разорвало бумажную обершку оной, и мадамъ La Sucrée, закрывая вѣеромъ кислую рожицу, явилась изъ неѣ, какъ бабочка изъ хризалиды. Рыбакъ въ шелковой сѣпи носилъ конфекшныхъ рыбокъ, но не съ конфекшными, а съ весьма забавными девизами. Одинъ охошникъ предлагалъ дичь; мы собрались въ кружокъ, онъ развязалъ

сумку свою — и чпожь въ ней увидѣли?
— шворенія пѣвца Телемахиды, и шого, и шого ... и даже я видѣлъ шамъ многихъ знакомцевъ нашихъ. Дичь драматическая обнималась съ пипическою; всѣ смѣялись.

Между прочими мнѣ понравилась маска С-ни, о кошоромъ я уже вамъ упоминалъ. Онъ былъ одѣшъ почпаліономъ, и всѣмъ коропко знакомымъ своимъ разносилъ письма, заключающія въ себѣ небольшіе куплешы. Вопъ шѣ, кошорые помню, и перевожу какъ умѣю.

Хозяйкъ дома.

Душа семьи, и машъ, достойная похваль,
Ты счастье родныхъ, шы ближнихъ идеаль.

Одной красавицѣ.

Небесной взоръ очей швоихъ,
Какъ въ зеркалѣ, души являетъ совершен-
сшво;

Но одному онъ принесетъ блаженсшво,
И горе множесшву другихъ! —

Дѣвицѣ, которая прекрасно пѣла.
Какъ въ пѣніи швоемъ, сребрисшый голосъ,
нѣжной
Течетъ въ швоей груди спокойсшво безмя-
шежно.

Мужу, у котораго жена мила какъ
Ангель.

Кшобъ позавидовашъ тебѣ не захопѣлъ?
Богиня смертному доспалася въ удѣлъ.

ЖЕНЬ ЕГО.

Цвѣшокъ первѣйшихъ благъ, какъ радость,
неизмѣнной.

Цвѣшетъ въ душѣ швоей безцѣнной.

Наконецъ сняли маски. До шѣхъ поръ
никто не узналъ меня, кшо не зналъ преж-
де. Окинувъ глазами собраніе, можно было
подумашъ, чшо магической жезлъ перенесъ
меня въ рай Магомешовъ. Парни, гдѣ кисшь
швоа! Спернъ, гдѣ швое перо! возможно
ли живописашъ подобно имъ всѣ прелести,
меня окружающія? По крайней мѣрѣ воз-
можно изумляшся и молчашъ подобно мнѣ.
Между роями красавицъ здѣшнихъ, друзья
мои, вы не безъ основанія могли бы спро-
сисшь, какимъ размѣромъ билось сердце ва-
шего мечпашеля? не безъ основанія могъ
бы я ошвѣчашъ, чшо оно билось скорѣе
Сафическимъ, нежели Александрійскимъ. И
совѣтую вамъ, мои милые, если случай за-
бросишъ васъ когда нибудь сюда, въ под-

ражаніе одному чудаку Пешербургскому, носишь прохладительную канфару на груди своей, какъ амулетъ противъ свѣрѣль Купидона.

Я былъ веселъ, пошому чпо смогрѣлъ на все въ радужныя очки юности. Эпошъ вечеръ будешъ записанъ красными чернилами въ календаръ моей жизни; но пожалѣйше, други, о безпокойномъ духѣ моемъ, кошорый всегда идешъ на вспрѣчу къ неприятностямъ и шепчешъ мнѣ среди забавъ: удовольствія исчезнушъ какъ ракета, и лишь дымъ воспоминанія ляжешъ на сердцѣ.

Ахъ! если радости земной
Сокроешь очарованье,
И мнѣ безвременно, судьбой
Таишь въ будущемъ спраданье!
О молодость! умчи съ собой
О счастья воспоминанье!

Въ 3 часа утра новаго года, пожелавъ хозяевамъ счастья, мы оправились домой; и мнѣ еще на маковомъ зголовьѣ сна грезились маскарадъ, но — уже не маски.

Ревель, 4 Генваря.

Вы пѣняете, друзья, въ письмѣ своемъ, чпо я не пишу о городѣ; — спранные люди! чипая поэму Пушкина, спрашивающъ ли о переплешъ оной? — вдыхая благовоиѣ розъ, кшо забоишися о горшкѣ, въ кошоромъ онѣ разцвѣли? Но вы хошите того, и я, покорный велѣнiю дружбы, выхожу изъ темной своей улицы (Dunkel-Strasze), и, горе вашему любопытству! если мое терпѣнiе будешъ ему равняшъся, я не пощажу ни одного угла, ни одного переулка, ни одного карниза.

Всѣ улицы Ревельскiя не прямы и пакъ узки, чпо извозчики обязаны ѣздишъ съ колокольчиками, дабы избѣжашъ встрѣчи. Любопытная и словоохотная кумушка черезъ нихъ легко можешъ видѣшъ все въ компанiѣ своей сосѣдки, счесшъ ея посуду и замѣшишъ даже, къ кому изъ госпей она ласковѣе. — Улицы кружашся, переплешающся, выходяшъ другъ изъ друга, но ни одна другой, ни одна самой себѣ не слѣдуешъ. — Площадей шолько двѣ, и шѣ не велики, не правильны. Дома довольно высоки, съ пирамидальными кровлями (кры-

пыми цвѣтно-муравленною черепицею), съ разбросанными въ шахматъ окнами и дверями. — Окна на улицу, очевидно, пробиты недавно, ибо въ военномъ городѣ, снѣсенномъ уже для меньшаго объёма боевыхъ снѣнъ, опасно было въ случаѣ штурма подвергаться ярости осаждающихъ, открывая имъ дорогу въ дома. Купеческая расчепливость докончила то, что начала воинская оспорожность: жилые покои всѣ обращены на дворы, а кладовыя на лице домовъ, для удобности къ складкѣ товаровъ.

Фонари висятъ посреди улицъ, на веревкахъ; зеленая краска, желѣзные решетки, и черныя съ бѣлыми полосы около всѣхъ рамъ придають какой-то мрачный видъ городу. Часомъ въ самомъ Ревелѣ встрѣчаешь вороша съ спрѣльницами. Говорятъ, будто онѣ успроены были во время междоусобій гражданъ съ гарнизономъ Вышгородскаго замка, всегда занятаго чуждыми военными властями, — и это несправедливо. Не междоусобія, копорыхъ не было, но опасеніе приступа воздвигло оныя. Не зная нынѣшнихъ редюиповъ и ребраншеменшовъ, тогда осажденные гошовились

въ сердцѣ города оспаривашъ каждый шагъ побѣдишело , и каждый шагъ выкупаешъ цѣною крови.

Сначала приѣзда моего сюда , увидя на улицахъ , на крыльцахъ , въ сѣняхъ , разсыпанный ельникъ , я ужаснулся смертности Ревельцевъ , воображая , что здѣсь , какъ и у насъ , это служило признакомъ похоронъ! — ничего не бывало : ельникъ разсыпающъ здѣсь для свѣжести воздуха и чистоты.

Нѣкошорыя окружныя сѣны теперь уже въ самомъ городѣ. Онѣ все , равно какъ и дома , сложены изъ вывѣтрившейся плиты известняка , и мохъ лѣнился по щелямъ ихъ. Голицескія колокольни , почернѣвшія главы церквей , башенки висящія на многихъ городскихъ зданіяхъ , аркады во всю — все это нравилось въ самой не правильности , изумляющъ самою странностию. Вотъ очень приятное зданіе , называемое Шведскимъ рынкомъ. Вотъ Ратуша Ревельская , гдѣ заседали некогда богатые Ратсгеры первой эпохи сего города : судили гражданъ , шлоковали о дѣлахъ могущей Ганзы , отправляли товары Новгородскіе за море , и на желѣзной перчаткѣ

къ звенѣли серебромъ Нѣмецкимъ и Русскимъ. Но Архангельскъ подорвалъ Ревель; Англичане и Голландцы склонили на свою сторону вѣсы счастія и торговли его. Городъ не уменьшился, но богатство онаго изсякло, наиболѣе теперь. — Рапуша споишь по прежнему, но торговля сѣверная не течетъ уже черезъ нее въ Европу.

Во всемъ округъ Ревельскомъ ходятъ пергаментныя, мелкія (не выше рубля) марки, выпускаемыя сею рапушею. На счетъ этихъ денегъ очень остро сказали нѣкто Рапсгеру, который хвалился, что клочки этой кожи, принося Думѣ много пользы, не споятъ ей почти ничего; — я въ томъ увѣренъ, отвѣчалъ онъ: вамъ споишь только содрать кожу съ гражданъ, и деньги готовы.

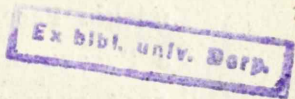
Какая нужда мнѣ и вамъ, друзья мои, что въ Ревелѣ 1700 домовъ и близь 12000 жителей; что въ немъ есть Гимназія, разныя маловажныя фабрики, модные магазины? — Есть ли тамъ древности, сохранились ли остатки прежнихъ укрѣпленій, бойницъ, церквей? говорятъ ли тамъ о крестности взору, а взоръ воображенію?

воишь чпо хопише знашь вы ; воишь о чемъ я буду бесѣдовать.

Лучшій видъ Ревеля оишь вороишь Сиспер - форшскихъ ; слѣва на оишѣсной скалѣ, надъ бездною, висишь домъ Графа Шшейнбока , и печальный цвѣишь подножія дѣлаишь разишельный коншрасишь съ его бѣлизною. Далѣе, огромная сишѣна замка Вышгородскаго дремлеишь на превысокихъ ушесахъ ; на ней смѣлыя башни, индѣ полуразвалившіяся , поросшія дикими расшѣніями, возвышаиють зубчашья главы свои, запечапшѣнныя непогодами шеспи вѣковъ. — Оишь морскихъ вороишь, карпина оживляишь близосишю моря, свинцовыми валами плещущаго въ оледенѣлые берега ; и лишъ черныя вороны, лишъ жадныя чайки выиуся надъ водою и пронзишельнымъ крикомъ своимъ пробуждаиють эхо развалииъ прибрежныхъ. Вдали — на синевѣ моря, подѣ завѣсою дымныхъ шумановъ, виесишь, будпо сиѣжныя облака, ошпрова : Наргенъ и Вульфъ. — Въ гаваняхъ, безоружныя корабли, — кругомъ баспионы и башни, Екашеринен-шаль (3) и всѣ форшшашы Ревельскіе, облеченные пушишнымъ

одѣломъ зимы, и все это слушеніе спарины съ сущностію возбуждаетъ во мнѣ мысли Оссіановскія. Погруженный въ его думы подъ сими древними расказами, я, внимая печенію вѣковъ давно минувшихъ, не замѣчаю полета наспоющихъ минушъ.

Однако же, друзья мои, лѣнивый философъ вашъ взоромъ не одного воображенія измѣрялъ спѣны Ревельскія. Между шѣмъ, какъ мечпы увлекали сердце, любопытство искало историческихъ испинъ, народныхъ преданій, даже басенныхъ вымысловъ; памянь сохраняла ихъ, а разумъ опличалъ ложное опъ былого. Снизхожденію вашему оспашаеся выслушашъ рассказъ мой; — онъ будетъ не дологъ, пошому чпо не лѣша, а важные случаи лѣшъ знаменующъ исторію. При шомъ дѣло идетъ не о событіяхъ всей Ливоніи, а шолько Ревеля. Я начинаю:

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Ревель, Декабря 1820 года.

Вальдемаръ II, Король Даніи, Государь
 споль же храбрый, какъ и суевѣрный, го-
 ря желаніемъ омышь грѣхи буйной жизни
 своей кровію идолопоклонниковъ, далъ
 обѣщаніе обратишь въ христіанство жи-
 шелей Эстоніи; переплылъ моря съ оп-
 борною дружиною своихъ воиновъ, соеди-
 нился съ Нѣмцами и Ливвою (4), поразилъ
 въ жестокомъ бою жишелей поморья и
 поработилъ ихъ власни своей. — Въ тѣ
 времена феодализма, когда и законная власнь
 ограждала себя рвами и башнями, какъ мо-
 гли хищники - завоеватели, безъ камен-
 ныхъ пвердынь спрашивъ другихъ, не
 препенавъ сами? Данчане знали эшо —
 и скоро подъ ихъ рукою воздвиглись укрѣ-
 пленія Ревельскаго замка, Нѣмцами Dom,
 а Русскими Вышегородомъ именуемаго, въ
 1219 году ошъ Р. X.

Едва успѣли Данчане укрѣпишь городъ,
 сильное войско подспунило къ спѣнамъ
 его: эшо были жишели оспрова Эзеля. —
 Чешырнадцать дней спюяли они подъ Ре-

ведемъ, разводили огни великіе, и грозились сжечь и бойцевъ и бойницы. — Дашчане сдѣлали рѣшительную вылазку, бились долго и мужественно, поражали и падали; кровь спруилась, число одолѣвало храбрость. — Нечаянный случай превратилъ судьбу сраженія: вѣсприла чепырехъ кораблей купеческихъ забѣлѣлись на горизонтѣ, и Эзельцы, увидя ихъ, вообразили что Вальдемаръ везетъ войско для спасенія Ревеля, обратились въ бѣгство, въ безпорядкѣ мешались на ладьи свои, и поспѣшно уплыли на Эзель. — Дашчане перевѣшали спарѣйшинъ округовъ Іервена и Алленшакена за то, что они помогали врагамъ совѣсами и оружіемъ, а Эспонцевъ обложили тройною, противу прежняго, поголовною податью (въ 1219).

Русскіе, кошорые Ливонію давно считали своею областію, посылали въ нее звѣроловцевъ, имѣли на Двинѣ крѣпость (Кукейнось), и брали дань съ жипелей, съ самыхъ Рыцарей Германскихъ, шамъ поселившихся, (5) весьма удивились неожиданному господству Дашскому. — Въ 1223 году Ярославъ, Князь Новгородскій, явилъ

ся со многочисленною ратью подъ спѣнами юнаго Ревеля: — чешыре недѣли облежалъ городъ, мешалъ спрѣлы и каменья; но, вѣрояшно, имѣя недоспапокъ въ спѣнобишнихъ орудіяхъ, не могъ взять его, и безъ успѣха возвраиился домой, съ плѣнниками, съ золопоиъ, награбленными въ окрешноскахъ. Жишели Эспоніи соединялись съ нимъ во время осады и ревностно, хошя шщешно, помогали Русскимъ.

Въ 1238 году, купцы Любека и Бремена, привлеченные молвою и надеждою корысти къ Ревелю, испросили у Вольдемара II позволеніе селишся близъ укрѣпленій замка, и, обогащенные выгодами, ошпались тамъ навсегда. — Скоро новый городъ слился спѣнами съ шарымъ въ одну окружнось, а выгодное мѣстное положеніе онаго, въ шорговомъ опношеніи ко всей сѣверной Европѣ, возвело Ревель на шепень именишыхъ городовъ Ганзейскихъ. (6)

Между шѣмъ Орденъ изъ госши Ливоніи становился ея власпелиномъ; еще звался данникомъ Россіи — и бралъ дань съ оброшниковъ Русскихъ; кланялся Великимъ

Князьямъ — и грабилъ ихъ обласпи; обижалъ промышленниковъ на Чудскомъ озерѣ, на Наровѣ, купцевъ нашихъ въ своихъ городахъ. Недовольный покореніемъ идолопоклонниковъ, онъ оппоргалъ и христіянскія земли. — Въ 1223 году, пользуясь несчастіемъ своего сподвижника Вольдемара, заключеннаго Графомъ Шверинымъ, за обольщеніе его жены, въ замкѣ Даненбергскомъ, Епископы и Рыцари захватили самый Ревель. Но, при соединеніи Меченосцевъ къ Ордену Тевтоническому (въ 1237 году) Папа непремѣнно и справедливо требовалъ опъ нихъ, чпобы Вольдемару возвращены были прежнія владѣнія. — Невольно и съ сожалѣніемъ опдали ему Рыцари Везенбергъ, Нарву (?) и Ревель, значительно ими укрѣпленный; и воспламененные перунами Вапикана, прошиву Русскихъ обрапили свое оружіе. — Наконсць и Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ) впалъ въ руки крестоносцевъ Ливонскихъ (въ 1224 году). — Мужеспивенный Князь Вячко, защищаясь въ немъ прошиву двадцати-тысячной Альбершовой арміи, съ горспью обреченцевъ смерши, палъ какъ Леонидъ. Одинъ только

Бояринъ Суздальской спасся изъ всей дружины его, чѣобы възвѣснншь Нѣвугороду и попомспву о геройскомъ подвигѣ.

Русскіе мспили огнемъ и мечемъ Ордену: Посадникъ Симеонъ разбилъ Нѣмецкаго воеводу Трунду; Князь Лишовскій Давидъ (иначе Касшелланъ Гарденскій), предводя Псковищянами, разорилъ Эстонію до самаго Ревеля (1323 года). — Но и Меченосцы зломъ плашили за зло, выжигая окреснннши Изборска и Пскова.

Въ 1343 году Эстонцы, раздраженные угнетеніями новыхъ своихъ владѣльцевъ, подняли знамя свободы и мспишельное желзо ихъ обагрилось кровью Нѣмецкою. Около двухъ тысячъ дворянъ и Рыцарей заплашили головами за жестокоствъ свою. Замки пылали, осада грозила Ревелю, и Дашчане принуждены были проснншь помощи Орденской. Гермейшперъ Бернгардъ фонъ-Дрейлевенъ повелъ войско, сильное числомъ, мспшью и оружіемъ, пропнвъ инсургентовъ. Эстонцы рѣшились умереть съ мечемъ въ рукѣ — и легли всѣ до одного неподалеку отъ Ревеля. Ихъ было 10,000. Совершенное рабство всѣхъ Ливонцевъ

было слѣдствіемъ сего благороднаго по-
скупка, достойнаго Спаршы и Гельвеціи.

Въ это время вся Эстонія наводнилась
власшю Ордена: Ревель все еще принад-
лежалъ Дашчанамъ. Наконецъ Вольде-
маръ III, плѣненный Шведами, расхищае-
мый Рыцарями, увидѣлъ невозможность со-
хранишь желѣзомъ область, копорую же-
лѣзомъ пріобрѣли его дѣды — и рѣшился
промѣнять оную на золото. — Нѣмцы,
купивъ Эстонию вмѣстѣ съ Ревелемъ за
19,000 марокъ (въ 1346 году), поселились
въ его окрестностяхъ и смѣшались съ зем-
ляками своими, обитателями города; на-
строили крѣпкихъ замковъ; рѣзались, ми-
рились, торговали съ Русскими. Часно
мирныя ладьи Рыцарскія носили спрахъ
грабежа не берега Невы и Волхова; но ча-
сно бранные шлемы ихъ обращались въ
вѣсовыя чашки — и раповищемъ копья
измѣрялись ткани привозныя: ибо разбой
на водѣ и на сухомъ пути заспавлялъ са-
мыхъ купцевъ облакашья въ панцыри, а
безданная торговля и береговое право за-
манивали въ торговлю дворянъ и Рыцарей.

Однако удалые наѣзники Русскіе не да-

вали ржавѣи мечамъ крестоносцевъ: какъ снѣгъ, налепали они опѣ Ладоги, Пскова, Новгорода на поля Эстоніи; жгли и палили все, что имѣло видъ существованія; испребляли замки, брали города, и, съ награбленнымъ добромъ, увлекая спада и рои пѣнниковъ, исчезали, какъ губительная молнія. Ливонія долго будетъ поминишищи - испребишель (7) Князей Булгака и Оболенскаго, Щени и Пенко, Глинскаго, Мспиславскаго, Серебрянаго, Шигъ-Алея. Напрасно заключались мирные договоры; наследная вражда плѣла подъ дружелюбными харшіями, вдругъ вспыхивала и разливала пламя войны, не всегда счастливей для Россіи, всегда вредной для Ордена. Нѣмцы видѣли въ Русскихъ опасныхъ враговъ; Русскіе въ Ливонской Республикѣ имѣли безпокойнаго сосѣда, копорый, спрашась даже просвѣщенія Россіи, не допускалъ въ нее иноземныхъ художниковъ и Ученыхъ, Князьями и Царями выписываемыхъ.

Наконецъ опдохнула Ливонія подъ властію мудраго Пleshенберга. Имя его ограждало Рыцарскія границы опѣ впаде-

нія Русскихъ, копорые не забыли еще бипы при Магольмъ (въ 1501 году). Но самъ Орденъ примѣнно ослабѣвалъ, ушверждаясь не въ доблесняхъ, а въ развращѣ. Албрехтъ Бранденбургскій, Магисиръ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи, принужденный уступитъ земли онаго Сигизмунду I, разрушеніемъ своего, осиропилъ Ливонскій (въ 1520 году). Введеніе Люперова Исповѣданія, принесеннаго Андреемъ Кнеппеномъ и Сильвеспромъ Тегельмейсперомъ въ Ригу (въ 1552 году), разсѣяло еще большія несогласія. — Граждане Ревеля скоро послѣдовали примѣру Рижцевъ — и Люперанизмъ вдругъ обнялъ всю Эспонию. Конечно, не Философія и не просвѣщеніе помогли ему, но алчность Каполическихъ Епископовъ и равнодушіе вышшихъ классовъ къ Вѣрѣ. О проспомъ народъ не думали. Онъ съ равнымъ безчувствіемъ слушалъ и Латинскія обѣдніи и Нѣмецкія проповѣди; и еще долгое время едва ли шреть Эспоніи имѣла церкви, едва ли шреть церквей паспоровъ. — Дворянство Ливонское, сосшавлявшее прежде шолько преимущесшвенный (allo-dial) классъ подданныхъ (sujet, fief et vassal)

Ордена, сему полипическому переворошу обязано своимъ независимымъ сущесшвованіемъ. — Черезъ поупку (на время) у Гермейсперовъ и Епископовъ земель, или приобрѣшеніемъ оныхъ закладами опѣ Рыцарей, арендами опѣ Ордена, мало по малу входили они въ права наслѣдственныхъ владѣльцевъ; Гросмейсперь Юнгингенъ (въ 1397 году) и нѣкопорые Епископы, въ особенносши Сильвеспрь (въ 1457 году), разширили права дворянства позволеніемъ наслѣдоващъ или передаващъ наслѣдіе до 5 колѣна обоихъ половъ. По разрушеніи Епископства, возрасли имѣнія и права дворянъ. Послѣ реформаціи явились они въ видѣ Коннаго сословія (*Corpus equestrus*), соснавляющаго уже часть Республики. Наконецъ Сигизмундъ скрѣпилъ законнымъ позволеніемъ всё шю, что дворянство захватило случайносшію. Въ эту же эпоху вассалы обрапились въ крѣпосныхъ рабовъ владѣльцевъ своихъ, копорые желѣзной рукой держали власшъ самоуправства, на землѣ и на водахъ (*zu Landten und zu Wasser*), какъ писались они.

Орденъ, ревносшию покровительствуя

Люперову Исповѣданію, не перемѣнилъ однако же Религіи. Кажется, въ забвеніи обрядовъ Каѳолическихъ состояла вся ихъ приверженность къ Вѣрѣ новой; и ни одинъ Историкъ не счелъ за важное упомянуть, когда Рыцари обратились въ Люперанство.

Между тѣмъ Грозный Іоаннъ, сокрушивъ Орденъ, уже царствовалъ, уже собиралъ оппорженныя приплечами области, — и неплашежъ дани, извѣстной у Нѣмцевъ подъ именемъ Glaubens - Zins, подалъ случай къ новымъ боямъ съ Рыцарями. Годъ 1558й былъ вѣспникомъ ихъ паденія: — двадцать городовъ Ливонскихъ пали въ прахъ передъ воеводами Русскими, и побѣдный мечъ ихъ сверкалъ болѣе пяти разъ въ окружностяхъ Дерпта, Риги, Ревеля (8). Подъ самыми стѣнами сего послѣдняго Михаилъ Репнинъ и Димитрій Курляшевъ смяли крестоносные эскадроны, а въ 1560 году Князя Курбскій и Адашевъ сожгли замокъ Фег-Фейеръ, принадлежавшій Епископу Ревельскому. — Юный Кешлеръ, послѣдній Гермейстеръ дряхлѣющаго Ордена, не могъ своею дерзостію вдохнуть ему новыхъ силъ, и, видя Русскихъ владѣ-

шелями Дерпта, Феллина, Везенберга, испытывавъ свое безсиліе подъ Лансомъ и въ битвѣ Эрмесской (въ 1560 году), не имѣлъ довольно твердости духа, чтобы подражать предмѣстнику своему Фюрстенбергу, умершему и въ цѣпяхъ независимымъ (9); искалъ помощи у Сигизмунда, и посмѣдно промѣнялъ маншю Гермейспера на жезлъ Герцогства Курляндскаго и Семигальскаго, отдавъ Полякамъ Ригу. Гордосць Рыцарей пробудилась для униженія: со слезами сложили они почешные знаки духовнаго своего Ордена, а самъ Орденъ, прежде столь знаменитый, исчезъ, какъ грозное привидѣніе.

Это произошло два года спустя послѣ конца власни Рыцарской въ Ревелѣ. Сей городъ, забытый, оставленный Гермейсперомъ, не однажды просилъ у него помощи, для сопротивленія Русскимъ, и не получалъ, ибо не могъ получить ее. Примѣръ Антона Тилля, Бургомистра Дерптскаго, Минина крестоносцевъ (10), не возбуждалъ соревнованія въ закаленныхъ своекорыстіемъ сердцахъ его собратьевъ. Въ 1561 году Ревельцы въ послѣдній разъ извѣ-

спили Орденъ о своей опасности, — и под-
дались Шведамъ при Королѣ Эрикѣ XIV.

Въ 1571 году Ревель, защищаемый Шве-
дами, упорно прошивился соединеннымъ си-
ламъ, Грознаго и Магнуса, минушнаго Царя
небывалаго Царства Ливонскаго (11). Рус-
скіе повели насыпи, прикапили деревянные
башни, громили городъ изъ великанскихъ
пушекъ своихъ; но духъ осажденныхъ не
упалъ вмѣстѣ съ стѣнами, — море доспа-
вляло имъ помощь и убѣжище. Ревель дер-
жался. Скоро хлынули дожди осенніе, взви-
лась зима надъ головой, приспѣли морозы;
а нетерпѣливые рапники пѣхъ временъ
не любили воевать съ стѣнами, съ выюгами
и надъ камнями пышались саблѣй своихъ.
Войско ропшало. Каленныя ядра и льспивыя
обѣщанія повѣренныхъ Магнуса: измѣнни-
ковъ Крузе и Таубе, осмывались щещины.
Іоаннъ извѣрился; смерть казалась свобод-
нымъ гражданамъ крашѣ подданства Царю
грозному, и воеводы Московскіе, Бояринъ
Яковлевъ, Князя Кропошкинъ и Лыковъ
не могли, ибо не умѣли, взять города; шоль-
ко буйствовали въ окрестностяхъ, взор-
вали монастырь Св. Бригишны, и сняли

осаду. Магнусъ со спыдомъ ушелъ въ Обер-палень ; Русскіе двинулись на Югъ Ливоніи не безъ добычи, но безъ славы.

Скоро новая гроза грянула надъ Ревелемъ. Въ бурную зиму 1557 года пятидесяти-тысячное войско Іоанново облегло городъ. Въ концѣ Генваря открылся огонь съ башарей осадныхъ , и дома Ревельскіе запылали , швердыни рушились. Но воеводы (Князья : Мспиславскій , Роешовскій , Шеремешевъ,) счинаясь въ спаршинспѣ , безъ пользы перяли людей въ окопахъ опъ спужу, въ полѣ опъ вылазокъ непріяшельскихъ, и не опважились ни на чшо рѣшительное. Шеремешевъ (Иванъ) обѣщалъ взявъ городъ или умереть, и сложилъ голову, не взявъ онаго. Между пѣмъ Ревельцы были въ крайности : ждали помощи съ моря и видѣли одни шрупы союзниковъ ; но вихри и мятели, опнимая надежду у нихъ, опнимали смѣлоспъ и у Русскихъ. Горнѣ, (Комменданшъ города) вѣдалъ , чшо вожди Грознаго ненавидяшъ другъ друга, а войска имъ не вѣряшъ — и опшвергалъ предложенія сдачи. Россіяне удалились.

Счаспіе привлекаешъ друзей, неудачи

множаніе непріятелей. Шенкенбергъ, прозванный Аннибаломъ, сынъ Ревельскаго ремесленника, предводя полками крестьянъ, преслѣдовалъ шесшинецкѣю осадю ушомленныхъ Россіянъ, даже опнималъ города, бралъ наши замки, мучилъ, терзалъ плѣнниковъ. Онъ кончилъ жизнь на Псковской висѣлицѣ; но въ шѣ времена и Герои спасишели опечеснѣва гибли на плахѣ.

Въ 1590 году, Іоаннъ III, Король Шведскій, воюя несчастливо прошиву Царя Теодора, пошерялъ въ одномъ Ревелѣ 6000 челоуѣкъ, опъ холода и болѣзней.

По смерти Баторія, Сигизмундъ III, избранный вдругъ на престолъ Липвы и Швеціи, принялъ сначала скипетръ Польши, съ обѣщаніемъ присовокупити къ ней Эстонию и съ Ревелемъ. Карлъ, Герцогъ Зюйдерманландскій, Регентъ Королевства, сорвалъ съ него корону, кошорую хопѣлъ онъ раздробити, и самъ облекся въ порфиру Швеціи, подъ именемъ Карла IX. Въ 1600 году онъ высадилъ въ Ревелѣ прошиву Сигизмунда 9000 вонновъ, завоевалъ всю Ливонию; но въ 1605 году, разбишый Ходкевичемъ подъ вышнами Кирхгольма, уже спѣ-

шилъ черезъ Ревель въ Спокгольмъ. Въ этомъ сраженіи Карлъ обязанъ былъ спасеніемъ жизни Ливонскому дворянину Генриху Вреде, который отдавъ ему лошадь свою, былъ изрубленъ Поляками.

Полтора вѣка владѣли Шведы симъ древнимъ наслѣдіемъ Россіи. Эспонією, какъ воропами, вшоргались они въ сердце нашего опечесива, проникали за Повгородъ, и мечемъ пожинали то, что забылъ испребишь огонь Польскій. Но времена переходчивы! Россіяне, предводимые преобразовательнымъ духомъ Пешра, ударами Шведовъ научились поражать ихъ самихъ, и скоро вшопнали прежнихъ своихъ побѣдителей въ ущелья Финляндіи. Нарва пала; Рига склонилась къ спопамъ Исполна - Царя, — и власнь Русскихъ, подобно морю, обшекла кругомъ Ревеля: онъ сполялъ крѣпко. Комменданшомъ города былъ тогда неколебимый Папкуль, братъ Папкуля, знаменишаго своими бѣдспвіями. Тщешно надвигались съ моря и съ суши силы Русскія, напрасно грозили башарен разрушеніемъ — онъ спокойно смопрѣлъ на встающіе расказы предъ баспіонами

своими — и готовился къ отчаянной оборонѣ, какой Кошкарровъ въ Лансъ и Икскуль фонъ-Паденормъ въ Нейгаузенѣ дали ему славные примѣры (12). Къ несчастію, въ городѣ, опѣ множесива окрестныхъ жителей, шуда сокрывшихся, оказалась язва; недоспашокъ воды довершилъ бѣдствіе: Русскіе опвели ее въ спорону, перекопавъ древній каменный водопроводъ, наполющій изъ, такъ называемаго, Бумажнаго озера (собственно Oberst-See) весь городъ. Ропопъ разлился въ народъ и гарнизонъ; Пашкуль видѣлъ эпо, шерпѣлъ самъ — и не сдавался. Но силы гражданъ испощились, жажда физическая превозмогла жажду славы, и всѣ Бургомистры, Рапштеры, шарфйшины Ревельскіе, не смонря на Комменданша, послали депушацию къ побѣдишелю и опдали ему ключи города въ замѣну ключей водныхъ. Капитуляція конфирмована была Великимъ Цешпромъ 29 Сеншября 1710 года — и Подполковникъ Зошовъ (13) смѣнилъ храбраго Пашкуля.

Съ тѣхъ поръ Эспонія наслаждается ненарушимымъ спокойствіемъ, и Ревель не видалъ дыму вражескаго на поляхъ

окружныхъ. Только въ 1790 году Шведскій флотъ, состоявшій изъ 23 кораблей и 8 фрегатовъ, явился подъ пушками дальнихъ башарей Ревельскихъ, въ намѣреніи взять городъ; но Адмиралъ Чичаговъ ожидалъ его съ 10 кораблями, сражался при часа, удачно опразилъ напоръ авангарда, и Шведы вдругъ обратились назадъ, спрашась, чѣмъ перемѣняющійся въпръ не заперъ имъ выхода.

Полторы тысячи убитыми и два корабля, изъ коихъ одинъ сожженъ, а другой взятъ въ плѣнъ, составляли уронъ Шведовъ; они споль уверены были въ успѣхъ своего предпріятія, что заготовили пригласительные билеты на ужинъ, кошорый предполагали дать въ Екашериненпалъ (14).

На вопросъ о нравахъ жителей Ревельскихъ въ особенності, лѣтопись Ливоніи безошвѣрна. Впрочемъ описаніе домашней жизни обитателей Вендена (столицы Гермейсперовъ), Дерпша и Риги можешь намъ вѣрно показавъ ихъ обычаи. Сначала смиреніе и бѣдность были девизомъ крепостноцевъ Ливонскихъ, но въ послѣдствіи

они оставили ихъ вассаламъ своимъ. Промѣняли полною и замшу Рыцарскихъ одеждъ сперва на камлошъ, потомъ на сукно, наконецъ на бархашъ (15). Украсили женъ своихъ перлами и дорогими алмазами, а сами охотнѣе наряжались въ золотыя цѣпи, нежели въ спальную кирасъ. Роскошъ возшла до неимовѣрной степени: Фохшъ Вейсенштейна, Фонъ-Туйленъ, носилъ на шеѣ цѣпочку въ 21 фунтъ изъ чистаго золота. Одинъ Командоръ Ревельскій не иначе проѣзжалъ по городу, какъ съ шрема конными богашоубранными шрубачами, возвѣщавшими его поѣздъ, и головной уборъ дѣвицы Тизенгаузенъ, невѣсты какого-то Рингенскаго помѣщика, цѣнился во сто тысячъ рейхсгалеровъ. Со всемъ шѣмъ Ливонія, знаменитая въ отношеніяхъ шорговомъ и военномъ, не была таковою въ просвѣщеніи. Блескъ золотыхъ парчей и сіяніе роскоши не освѣтили умомъ Рыцарей, дворянъ и Духовныхъ, погрязшихъ въ грубомъ невѣжествѣ. Они распочались на лошадей, соколовъ, собакъ, и даже въ церковь ходили съ сими послѣдними. Повѣсивъ мечъ и крестъ на

нв!

|||v

спѣну, Рыцари съ крушками въ рукахъ, подвизались на поприщѣ развраша, и напрасно въ заморскихъ винахъ искали мужества предковъ своихъ. Буйствомъ вспрѣчали дни, въ пины провождали ночи. Шахматы, коспи, шашки и родъ билиарда, Pilleken-Tafel называемаго, были ихъ заняшiemъ; чудесныя пляски и фигляры ихъ увеселениемъ. Каждая креспины, каждая сваньба подавали новыя причины къ пирамъ, и со всѣхъ концовъ спекались на оныя дворянство и рыцарство. Вспрѣчали далеко за городомъ невѣсту, копорая едва передвигалась, задавленная множесвомъ тяжелыхъ украшеній, и на богатоубранныхъ коняхъ скакали кругомъ колесницы ея. Ломились сполы оныя серебряной посуды, въ ожиданіи гостей, копорые уже готовились сослязаться на поприщѣ пресыщенія. Кельхъ сохранилъ намъ описаніе одного поспнаго обѣда, Ревельскимъ Епископомъ на шурниръ даннаго: оный состоялъ изъ 50 различныхъ блюдъ. Тогда брашья Ордена забыли уже предковъ своихъ, копорые однимъ каршофелемъ угощали Епископовъ!

По роду жизни дворянъ и Рыцарей можно судить о развратѣ ихъ нравовъ. Безнаказанность пресупленія произвела моржесиво порока. Не спало узъ священныхъ, однѣ желанія обрапились въ законы. Рыцари бросали женъ своихъ и брали многихъ наложницъ — позабывъ и честь и Вѣру; — а гдѣ онѣ безъ уваженія, шамъ всѣ спрашни безъ узды. Въ 15 вѣкѣ, нѣкто Тизенгаузенъ ушопилъ въ мѣшкѣ сеспру свою за то, что она желала вспу-
пиль въ бракъ съ его секретаремъ!

Мѣщане, купцы и всѣ граждане Ревеля, въ подражаніе высшимъ классамъ, едва ли не превосходили своихъ учителей; цвѣшущая Ганза доставляла имъ средства для роскоши, а примѣръ дворянъ воспламенялъ ее. Вѣчные праздники царшвовали въ городахъ и замкахъ; вѣчныя слезы въ деревняхъ. »Эспонія была тогда земнымъ раемъ!» восклицаетъ Люденій. Конечно, онъ не былъ вассаломъ. Вся пятоша налоговъ, работъ и войны падала на бѣдныхъ обитателей Эспоніи, коихъ владельцы мучили изъ прихошей.

Первая народная школа учреждена была на Вышгородѣ Королемъ Данскимъ Эрикомъ VIII, еще въ 1319 году; но это не препятствовало большей части жителей Ревельскихъ быть безграмотными. Языкъ, употребительный у дворянъ, былъ такъ называемый *Plat-deutsch*. Дипломатическія бумаги до XVI вѣка писались все по-Латини; но съ 1511 года, по-Нѣмецки, нарѣчіемъ, какимъ писалъ Рюссовъ. Ревель не произвелъ ни одного Поэта; да и во всей Ливоніи, исключая Хрониковъ, до XVIII вѣка совсѣмъ не было Писателей.

Эстонское нарѣчіе Ревельскаго округа счисляется самымъ правильнымъ и чистымъ.

Ревель былъ Командорствомъ Ордена; въ немъ всегда жили: одинъ Командоръ и одинъ Епископъ; послѣдній сверхъ сего имѣлъ во владѣніи замки Фег-Фейеръ и Борхгольмъ. Ревель имѣлъ право чеканить монету съ весьма давняго времени. Эту привилегію пожаловала ему Данская Королева Маргарита Самбірiа, съ приказаніемъ, дѣлать монеты съ ушками, въ 1266 году.

Наконецъ замѣтимъ, что жители Ре-

вельскіе, переходя изъ - подъ одной власпи подъ другую, не преспавали бышь вольными, сохранили свой опличительной характеръ честности въ политическомъ быту, Любекскіе законы въ гражданскомъ судопроизводствѣ, и всегда своимъ согласіемъ скрѣпляли договоры, начертанные рукою побѣдителя или необходимости.

Вопш и вся достопамятная хроника споллицы Эстонской! Она, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ мѣсто въ лѣтописяхъ нашего опечеснва, ибо имѣла сильное вліяніе на судьбу сѣверныхъ ея обласпей. Припомъ споль близкое сосѣдство наше съ Рыцарями кресна и меча, съ сими дворянами Божіими, какъ звали ихъ Русскіе, даетъ ей какую-то особенную привлекательность, какой-то романической характеръ, можетъ спастся, слишкомъ бѣдный для ума, но еще роскошный для воображенія. Сіи башни, дельянныя вѣками, сіи бойницы, поросшія мхомъ древности, сіи развалины замковъ Рыцарскихъ, вблизи и вдаль опъ Ревеля разбросанныхъ — невольно погружаютъ въ думу; вѣки,

давно пропекшіе, мелькающъ въ шуманахъ воспоминанія, и съ ними вѣшся въ душѣ грустное предчувствіе будущаго.

Нынѣ безпреспаннныя выюги и бездонныя снѣга помѣшали мнѣ осмошрѣшь окрестныя развалины. Значущихъ нѣтъ ближе 50 верстѣ. Прочія уступили свое мѣсто новымъ дачамъ. По неволѣ до будущаго лѣта умиралъ я кипящее любопытство свое, а тогда, если возможно будетъ, друзья мои, возвращеніе мое въ Ревель, я опишу вамъ оспашки гордаго замка Везенберга, Падис-Клоспера, Борхгольма, Фег-Фейера и другихъ. По названію сего послѣдняго (Veg-feuer) Чиспилищемъ, вы можете догадаться, что онъ принадлежалъ Епископамъ, копорые, соединивъ въ себѣ власнѣ воинскую и духовную, владѣли умами безнравными, для земныхъ выгодъ преграждали небо, и золотомъ разрѣшали узлы пресупной совѣсти. Но скоро могущество ихъ, ослабленное примѣрами ихъ жизни, упало; споръ за преимущества, за одежду, дѣлежъ береговаго права и захватываніе чужихъ земель производили частныя ссоры между Епископами и Рыцарями, и, случалось, что

раздраженные братья Ордена осаждали ихъ замки; осыпавые градомъ камней и проклятій, взбирались на гребни стѣнъ, и тогда все падало подъ сокрушительнымъ ихъ оружіемъ, все исчезало подъ пламенемъ мести. Бывали не разъ безуспѣшны предпріятія Рыцарей; и не разъ случалось имъ, возвращаясь къ замкамъ своимъ, находить оныя въ пеплѣ опъ факеловъ Епископскихъ.

Въ чепырехъ версхахъ опъ Ревеля по Нарвской дорогѣ, возвышающія развалины монастыря Св. Бригишны, Эрикомъ V построенаго. Одна башня и нѣсколько стѣнъ пережили разрушеніе прочихъ. Индѣ полурухнувшіе своды грозятъ любопытному спраннику; стѣны сѣютъ на нихъ кудрявые мхи. Сказываютъ, что подземной ходъ (16) проспирался опъ сего мужскаго монастыря въ монастырь женскій, среди Нижгорода существовавшій. Не ручаюсь за это преданіе; но за вѣрное выдаю, что подземелья сіи существовали, ибо выходы оныхъ не обрушены до сихъ поръ; запоздалый суевѣрь, олицетворяя воображеніемъ спаринныя сказки, мнитъ видѣть тамъ блуждающія привидѣнія, и спѣшитъ, мимо

слѣдимый собственною боязнію. Воинство Грознаго, осаждая Ревель, взорвало сей монастырь, и съ тѣхъ поръ опрокинутыя стѣны его лежатъ въ заплывшихъ рвахъ на памянь Каполицизма и посѣщенія Русскихъ; съ тѣхъ поръ (какъ говоришь юный поэтъ нашъ) (17)

„Не смѣла времени коснуться къ нимъ рука,
„И возлегли на нихъ усмалые вѣка! —“

По дорогѣ къ Пернау, не вдалекѣ отъ города, склоняюща къ землѣ: огромный деревянный крестъ и два небольшихъ каменныхъ, поставленные въ воспоминаніе нѣсколькихъ Шварцен - Гейшеровъ, убитыхъ на эшомъ мѣстѣ въ спычкѣ съ Русскими наѣздниками (въ 1545 году). Нѣмцы говорятъ, что они оспались побѣдишелями, и я вѣрю; однако же, видно, это было для нихъ большою рѣдкостію, потому что въ залѣ Черноголовыхъ брагъевъ есть картина, представляющая въ разныхъ видахъ споль ничтожное дѣло.

Теперь обратимся къ самому Ревелю. — А что значить слово Ревель? восклицаете вы; откуда взялось оно? почему и когда

обращилось въ прозваніе города? »Признаюсь, друзья мои, на эти вопросы врядъ ли самые спарожилы Ревельскіе могутъ опшвѣчать съ увѣренностію. Правда, многіе Аншикваріи ушверждають, будто имя Reval происходитъ опъ сокращенія слова Regen - val, ш. е. паденія дожда: но какъ сей феноменъ шамъ очень не рѣдокъ, шо и весьма шрудно предположить, будто бы дождь былъ девизомъ первыхъ строителей сего города; и шолько подъ этимологическимъ молошкомъ г-дъ корнеискашелей могло оно зазвучать подобнымъ образомъ. Другое преданіе, болѣе общее, но едва ли болѣе справедливое, говоритъ, что Вальдемаръ II, преслѣдуя дикую козу, вонзилъ въ нее стрѣлу: она сверглась съ ушеса, на кошоромъ споишъ шеперь замокъ и, что Король, въ памяшъ сего случая, назвалъ будущій городъ Ревалемъ, опъ слова Ree - val, ш. е. паденіе серны; но, кажется, самое вѣроятное ешъ шо, что имя Ревеля произскаешъ опъ многихъ грядъ подводныхъ камней, по всѣмъ направленіямъ рейды его окружающихъ. Гряды сіи по-Англійски называются Reaf, по-Нѣмецки и Дашки Rief,

ошкуда и къ намъ перешли съ природнымъ названіемъ рифовъ.

Что касается до Русскаго прозвища Ревеля Колыванемъ: происхожденіе онаго неизвѣстно. Баронъ Шафировъ, Окольный Петра Великаго, съ весьма оспроумною полипикою, произвелъ имя Колываня опъ кола (ш. е. ограды) Ивана (18). Но мнѣ кажется ненужнымъ искать пому причинъ споль высоко; и вошъ каково о шомъ мнѣніе Профессора Рикерса, съ копорымъ я бесѣдовалъ о всемъ, до Ревеля касающемся. »Русскіе, приходя къ окружнымъ жителямъ Ревельскимъ, говорилъ онъ, и неразумѣя нарѣчія спраны, въ насмѣшку называли ихъ какимъ-нибудь спраннымъ для слуха своего словомъ. Kule-wapa (ш. е. послушай, спарикъ! послушай, брашъ!) еспъ самый упопрѣбительный шерминъ языка Эстонскаго; и такъ мудрено ли, что, называя Эстонцевъ Кулеванами, они передали имя обипашелей города самому городу?» Въ самомъ дѣлѣ, Русскіе просполюдины и шеперь зовущъ Эстонцевъ Кулями и Кулицами опъ слова Kule; шочно шакже и Англичанъ кличущъ они Асеями опъ слова

У'сай (я говорю). Но оставимъ подобныя изысканія въ жерпву пыли архивной, чпо-бы самимъ не сдѣлались жерпвою скуки, и обратимся къ древностямъ города. Взоръ памяти ведетъ меня на спѣны замка Бышегородскаго. Зима, облекая въ пушистый снѣгъ башни и раскаты, кажепся, говоришь: »они опжили красное лѣпо свое.« Здѣсь-то, шессть вѣковъ назадъ, безспрашныя Дашчане красовались профеями, воспѣвали подвиги свои въ пѣсняхъ побѣдныхъ, и черезъ синее море спремили взоры къ опчизнѣ, гдѣ ждало ихъ сердце любезной и тихій очагъ родины. Здѣсь звучалъ призывный рогъ эскадроновъ Рыцарскихъ, возвращавшихся съ бою, или съ разѣзда, или изъ дальнаго похода Германскаго; и подъемный моспѣ, гремя шяжкими цѣпами, ложился къ ногамъ неперпѣливыхъ всадниковъ, и мочные переклады его, зыблясь, скрипѣли подъ копытами усшальныхъ коней. Въ сѣи-то каменные забрала вонзались нѣкогда спрѣлы Новгородскія и багрили ихъ кровью Дашчанъ и Нѣмцевъ: вошѣ башня, въ кошорой осшались ядра наши со времяъ Грознаго. Не смошря на глу-

бокій снѣгъ, я вскарабкался на валъ, и поклонился землякамъ своимъ. Сія ядра каменные, кажешся, изъ дикаго гранита, округлены весьма хорошо; величиной будущъ съ 96-фунтовое каронадное ядро, и почти всѣ (числомъ 8 или 9) вѣзались на одной линіи весьма высоко отъ горизонта земли. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ снѣгу совсѣмъ, другія вписаны только до половины.

Могу ли живописатьъ, друзья мои, прекрасныя виды, кошорые безграничною панорамою раскидываются передъ глазами, съ холма Вытегорскаго! Безмолвенъ схожу я съ высокихъ снѣговъ его, озираюсь на рядъ круглыхъ и четверугольных башенъ, вѣнчающихъ замокъ. По нимъ изрѣдка вѣшся одинокая ива, или чахлый рспейникъ, тихо бесѣдуя съ вѣтромъ мимолетнымъ.

Вотъ церковь Богородицы Рижской, собственнo Dom-Kirche называемая. Войдемъ въ нее, посмотришь на гробницу знаменитаго Понша Де-ла-Гардія, кошораго суевѣріе изгнало изъ его отечества, Франціи, счастіе увѣнчало славою искуснаго полко-

водца, а ничпожнѣя почести были ви-
ною смерти. Коммендантъ Нарвы, желая
доказать свое усердіе къ побѣдителямъ Рус-
скихъ, на возвращеніи пуши ихъ въ Спок-
гольмъ, приготоовилъ, для перѣзда Де-ла-
Гардія черезъ Нарову, шнеку, опягощен-
ную украшеніями и пушками. Едва выѣ-
халъ онъ на средину рѣки, почешные вы-
спрѣлы раздались съ крѣпости; опвѣшнѣй
залъ полетѣлъ со шнеки: онъ былъ по-
слѣднимъ. Старое судно, преснувъ опъ
удара, пошло ко дну; волны поглотили ге-
роя. Тѣло его переняли уже на другой день,
перевезли въ Ревель, и здѣсь неизмѣнная
опчизна, земля, просперла къ изгнаннику
хладныя свои обѣщанія. Придѣлъ церкви
скрываетъ въ себѣ весьма проспую камен-
ную его гробницу. Тамъ же похороненъ из-
вѣспнѣй храброспій въ войнѣ со Шведами
Адмиралъ Самуилъ Грейгъ; богатое над-
гробіе возвышается надъ прахомъ его. Нѣ-
сколько шаговъ раздѣляютъ два вѣка, двѣ
знаменистыя эпохи нашей Испоріи: между-
царствіе и Де-ла-Гардій! Грейгъ и Россіане
на скалахъ Свеаборга! Какая ушѣшишель-
ная параллель.

Болше въ Dom-Kirche ничего нѣтъ замѣчательнаго : и хощя она заложена была Вольдемаромъ II, основателемъ города, пожаръ испребилъ сшаринное зданіе; а эшо, воздвигнутое въ 1683 году, принадлежишь не къ древней, но къ средней готической архипекшурѣ.

Заглянувъ мелькомъ въ Рыцарской домъ (Ritter-Haus), гдѣ шеперь дворянская зала и присусшесшвенныя мѣста, мы не найдемъ нищи любопытствуву ; одни гербы напоминають намъ о сущесшвованіи Ордена, а все прочее замѣнилось насшоящимъ вкусомъ. Передъ эшимъ домомъ, на небольшой площади, учреждались въ сшарину шурниры ; здѣсь копя Рыцарей ломались о желѣзную грудь сопрошшвниковъ ; здѣсь серебряный голубъ на зыбкомъ шесшѣ ожидалъ смершнаго удара, или скользяій шаръ манилъ и обманывалъ руку опышнаго ѣздока. Исторія сохранила только одинъ разсказъ о шурнирѣ, здѣсь бывшемъ въ 1538 году. Всѣ Ливонскіе Рыцари и дворяне съшались на оной ; самъ Гермейсперъ Бруггеней на немъ присусшсшвовалъ ; праздникъ начался шированьемъ , шурниръ кончился бшшвою. Незвѣсшный Рыцарь, въ блестя-

щихъ лапахъ, съ опущеннымъ наличникомъ, пшицей влещѣль за рѣшенку, крушился по респалищу на бурномъ конѣ, и вызывную перчатку повергъ передъ первымъ бойцемъ изъ лучшихъ Рыцарей. Взоры всѣхъ успремились на невѣдомаго смѣльца : противники рассказали, взяли спремена и, опустивъ копья, понеслись на встрѣчу другъ друга. Громко звукнули пняжкія лапы ; Рыцарь Ревельскій выметѣль изъ сѣдла и, оглушенный ударомъ неизвѣснаго, просперся на землѣ, покрытый спыдомъ и прахомъ. Рукоплесканія огласили неизвѣснаго Рыцаря побѣдителемъ, и Герольдъ возвѣспилъ, что онъ выигралъ призъ. Однако, принимая оный изъ рукъ Гермейспера, должно было опкрыть лице свое : побѣдитель долго не соглашался, медлилъ и наконецъ шихо поднялъ забрало шлема : — кто опишетъ изумленіе всѣхъ Рыцарей ? передъ ними споялъ прошой торговецъ Ревельскій ! Въ порывѣ оскорбленной гордости возвѣспили они, что впередъ, кромѣ брашьева Ордена, никто не будетъ впущенъ за рѣшенку. Дворяне и всѣ именитые жильцы города, уни-

женные симъ исключеніемъ изъ шурнира, горячо вступились за честь свою. Обѣ спороны требовали: ни одна не хотѣла уступить; спорили, грозили; опѣ словъ дошло до ударовъ, и бой завязался: Рыцари смѣшались съ дворянами, съ Шварцен-Гейнперами; копьями поражали другъ друга, рубились и кололись мечами.

Испуганный Гермейсперъ просилъ, уговаривалъ, повелѣвалъ — его не слушали; повергъ шляпу, даже мантію на риспалище, въ знакъ окончанія шурнира — никто не замѣчалъ эшаго. Наконецъ Бургомиспру Фегезаку, человѣку всѣми уважаемому, удалось возстановить спокойствіе. Противники разошлись, грозя другъ другу — и побоище кончилось смертію и ранами многихъ. —

Бывшій дворецъ Королей Шведскихъ занятъ теперь коронными присупсвенными мѣстами. Въ немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ древности, и я поведу васъ опѣ разрушающихся бойницъ Вышгорода въ Нижегородъ, сквозь нависшія подѣ башнею вора. Было время, когда, послѣ вечерней зари, они зашворялись на всю ночь, и за

поздавшій за дружнымъ спаканомъ Вып-
городець долженъ былъ платишь пошли-
ку (Speer-Geld), чтобы пройти домой. Те-
перь уже нѣтъ скрипучихъ половницъ, око-
ванныхъ дебелыми полосами желѣза ; но
паяжкіе пробои , на кошорыхъ вращались
онѣ , существуя понынѣ.

Скамная, узкая улица между огромною
спѣною и прекраснымъ домомъ Г. Коль-
барса, стоящимъ на крушой горѣ, (Blocks-
Berg называемой) проводишь насъ къ ла-
бириншу улицъ Нижгородскихъ. Теперь я
хочу разсказать вамъ исторію новыхъ во-
рошъ (Schmidt-Forst), кошорыя въ печеніе
двухъ вѣковъ зашворены были , какъ вра-
та храма Януса. Вотъ пому причины :

Во время феодальной власпи Рыцарей
надъ Эспоніею , жизнь и смерть поддан-
ныхъ заключались въ волю владѣльцевъ.
Между сими послѣдними Искуль , владѣ-
тель Рейзенберга, опличался жестокостію
къ вассаламъ своимъ. Не было границъ его
ширанству, но были онѣ для шерпѣнія че-
ловѣческаго. Должно замѣнишь , что Ре-
вель, въ силу законовъ, имъ сохраненныхъ,
имѣлъ право каждое убійство, на городской

землѣ совершенное, опмщевашь смерщю убійцы. Иксуль не зналъ, или не хощѣлъ знашь эшаго, и въ самыхъ спѣнахъ города замучилъ на смерть одного изъ своихъ васаловъ. Бургомиспры свѣдали о томъ, и молчали, боясь въ лицѣ его оскорбить всѣхъ дворянъ. *Wo ist kein Klage, da ist kein Richte* (нѣтъ жалобы, нѣтъ и суда), говорили они; но жалобы не замедлили. Спаршины помѣспьевъ Иксулевыхъ и родспвенники убишаго, опираясь на Ревельскія права, гласно пребовали разсуды — и наконецъ получили ее: Магисспрашъ позволилъ имъ задержашь преспушника. Враги ждали его, друзья уведомили объ опасности; онъ презрѣлъ шѣхъ и другихъ, насмѣхался надъ Рапсгерами, и шумнымъ поѣздомъ въѣхалъ въ Ревель. Надежда на богапспво ослѣпила Иксуля: онъ былъ схваченъ, и судъ, не смощря на выкупъ, за него предложенный, произнесъ смерщный приговоръ. Приспѣлъ день казни: раздраженные дворяне поклялись вырвашь изъ рукъ правосудія собраша своего; съ оружіемъ сполнились подъ спѣнами Ревеля, въ надеждѣ, что Иксуля поведущь казнить за городъ;

но обманулись. Его подвели подъ Кузнецкія вороша: безславная съкира сверкнула, и голова преслупника скапилась къ нотамъ препенныхъ гражданъ (въ 1535 году). Дворяне неистовствовали, но не могли копьями разбишь неприслупныхъ ворошь; угрозы ихъ не поколебали башенъ Ревельскихъ. Въ послѣдствіи однако же Магиспръ Галмень, уступивъ просьбамъ всего дворянскаго сословія, наложилъ пѣню на Магиспрамъ города за то, что оный не опенесся къ нему объ окончательномъ рѣшеніи; а вороша, подъ коими спруилась кровь благородная опъ руки палача, повелѣлъ зашворишь навѣчно. Екатерина II, въ бышность свою въ Ревель, дозволила опворить ихъ, и съ шѣхъ поръ вороша сіи называются Новыми.

Поспѣшимъ шеперь въ церковь Св. Николая. Услужливый кистеръ ждетъ насъ на порогъ, въ XIV вѣкѣ положенномъ; прокашливается, гошовася бышь нашимъ Чичероне, и гремишь ржавыми ключами церковными. Двери шашнулись, и мы въ сѣняхъ, въ кошорья справа и слѣва едва проникаемъ унылый свѣтъ сквозь рѣз-

ныя деревянныя рѣшешки. Блѣкая позолота и полустершыя надписи ручающіяся за ихъ древность. Въ лѣвомъ придѣлѣ подъ стеклянныиъ колпакомъ лежишь шѣло Дюка де-Круа, Русскаго Генерала, взяшаго въ плѣнъ подъ Нарвою въ первомъ сраженіи Петровыхъ войскъ со Шведами. Живши въ Ревелѣ военноплѣннымъ, онъ не забылъ ни рода, ни чина своего, ш. е., надѣлалъ многесиво долговъ — и умеръ, неудовлетворя своихъ займодавцевъ. Займодавцы извѣсшивъ родспивенниковъ де-Круа, въ Нидерландахъ живущихъ, по законамъ Шведскимъ, не дозволили хоронить должника своего, доколѣ за него не уплашатъ наслѣдники; ждали ихъ и не дождались. Какъ видно, шѣ не захошѣли подражать Египтянамъ въ выкупъ шѣла, и не приѣхали; извѣстковыя спѣны погреба сохранили шѣло де-Круа, въ немъ забышаго, до сихъ поръ. Черная бархатная мантія и шелковая одежда начинающъ разрушашься; но верхніе шелковые же чулки цѣлы и крѣпки. Всѣ чершы физіономіи его опличительны. Дюкъ де-Круа умеръ въ 1701 году.

Входя въ церковь, невольно изумляешься

мрачной ея величественности ! Взоры блуждающею подъ оспроконечными гошическими сводами, и полъ звенище оше шаговъ звукомъ могильнымъ. Сомнишельный день прокладываетея сквозъ цвѣшныя спекла, въ часпомъ свинцовомъ переплещъ вспавленные, изъ коихъ многія расписаны образами Свяшыхъ. — Вездъ предспавляюще ошанки Каполической Религии, основавшей сию церковь въ 1317 году. Огромныя спворчаныя свяшцы, съ живописными и рѣзными изображеніями Каполическихъ Свяшыхъ и Папъ, возвышающе на олшарѣ. Живопись оныхъ сохранилась довольно хорошо, и можеще спорище съ работою Луки Кронаха. Другія иконы, украшающе переклады и проспѣнки между сводами, гораздо низшей работы.

Надъ кудрявыми гербами Рыцарей Нѣмецкихъ и Шведскихъ развѣшены ржавыя лапы ; надъ иными плѣюще пыльные обрывки знаменъ. Я вздохнулъ, разсматривая оныя. Можеще быще, подъ эшимъ холоднымъ желѣзомъ кипѣла нѣкогда репшвая грудь славою и чисною любовью ; въ сихъ пробойнахъ, полученныхъ за ро-

дину, внуки чипали заповѣдь предковъ «не измѣняй ей.» Сіи знамена развѣвались воздухомъ брани! и что теперъ все эшо? Залогъ плѣнія и ничпожества!... пропеченъ еще нѣсколько лѣтъ и любопытство напрасно спроситъ нѣмыя развалины.

Лавки, рамы образовъ и поршпрешовъ опягчены рѣзбою, иногда весьма искусною. Полъ сложенъ изъ надгробныхъ камней погребенныхъ шупъ Рыцарей — вкладчиковъ церкви. На нихъ изображены они грубою оброчною работою въ полномъ вооруженіи. Надписи почти всѣ сперлись ногами прихожанъ. На правой сторонѣ, въ сѣнѣ церкви, видѣнъ нишъ, вышиною въ полшора аршина, шириною и глубиною въ аршинъ. Говорятъ, будшо въ него сажали виновныхъ церковниковъ для наказанія, шѣмъ жесточайшаго, что тамъ невозможно ни спашъ, ни сѣспъ; желѣзная рѣшетка оправдываетъ эшо преданіе.

При насъ не было службы въ церкви Св. Николая: время воюетъ высокіе своды ея; шрецины бѣгутъ по сѣнѣмъ, и те-

перъ для предосторожности спавялся лѣса и подпоры. Жаль будетъ, если упадетъ сей, древнѣйшій въ городѣ, памятникъ Каполицизма и гошической Архитектуры.

Наружность церкви имѣетъ въ себѣ много важнаго (*il grandioso*). Узкія окна и шолстые консп-форсы, оживляя игру тѣней, придають оной какой-то занимательной видъ. Низъ заслоненъ лавками, построеными для ярмонки, бывающей здѣсь въ Іюнѣ мѣсяцѣ, въ день Св. Іоанна. Въ оградѣ, близъ ворошъ, стоить часовня, въ которой погребенъ бывшій Губернапоръ Эстоніи Гольштейнъ - Бекъ. Двери и окна заложены въ ней, какъ называютъ, не для сбереженія драгоцѣнностей, съ нимъ похороненныхъ, а, какъ думаютъ, для того, что ихъ уже нѣтъ.

Широкою улицею (*Breit - Strasse*), которая широка только по имени, мы приближаемся къ церкви Св. Олая, сгорѣвшей прошедшимъ лѣтомъ, въ ночь на 16 Іюля. Кирхшпилъ оной, Ревельцами Олай-Торнъ называемый, сперва былъ вышиною въ 84 сажени, т. е. равенъ съ куполомъ Св. Пе-

пра въ Римѣ. Передъ пожаромъ высота его простиралась до 74 сажень. Церковь Олая, послѣ своего поспроенія, горѣла восемь разъ, изъ коихъ при раза обращалась въ пепелъ, и снова усердіемъ богомольцевъ возсавала въ прежней лѣпошѣ на украшеніе городу, на диво всему краю, на пользу мореплавателей, которые по высокой башнѣ ея правили днемъ бѣгъ свой между тысячами опасностей. Спѣсны церкви и каменной низъ колокольни сполшъ еще, но верхъ оной упалъ. Лучъ молніи ударилъ въ одну изъ наугольных пирамидъ, и огонь вдругъ обнялъ всю кровлю, проникъ во внутренность, испепелилъ все, что могло сгорѣть. Мѣдь колоколовъ и кровель паяла какъ воскъ, попоки спекла и свинцу дождали; — пламя грозило гибелью всему городу, ужасъ волновалъ сердца жителей Ревельскихъ. Наконецъ гигантская колокольня, пылая, рухнула черезъ улицу на горящіе дома; а башня, раскаленная какъ Эшна, оспалась извергашъ вокругъ себя опустошеніе: грохотъ и прескъ раздавались внутри ея, огонь свирѣпствовалъ снаружи. Къ счастью по-

шелъ дождь, который, смочивъ кровли домовъ, воспрепятствовалъ распространению пожара — и въ 4 часа все кончилось.

Съ благоговѣніемъ вошелъ я по скрыпучему снѣгу во внутренность зданія: вездѣ черныя полосы показывающіе слѣды, по коимъ текли волны опустошительной стихіи. Всѣ древности, какъ то: органы, лапы и мечи Рыцарскіе спали жертвою пламени. Такъ называемое ребро Олаево подверглось равной участи. Огромная киповая коса, повѣшенная надъ входомъ, въ знакъ союза съ Ганзейскими киполовцами, подава просполодинамъ поводъ къ вымысленію басни, будто бы ребро сіе было Олаево, будто сей Олай былъ Гигантъ неимовѣрнаго роста, который выходя поутру изъ Нарвы въ Ревель, для присмотра за строеніемъ церкви, къ обѣду ежедневно возвращался назадъ.

Извнѣ и внутри взору ничего не представляется, кромѣ развалинъ, клеймомъ пожара очерченныхъ. Въперъ свѣаешь снѣгъ и пепелъ съ осиротѣлыхъ стѣнъ, воешь вокругъ разрушеннаго олшаря.

На одной наружной стѣнѣ, подъ пу-

спымъ нишемъ, вдѣлано выпуклое изображеніе, какъ должно думашь, идола Тора. Профессоръ Рикерсъ написалъ о немъ весьма любопытное разсужденіе, а я поспѣшаюсь вамъ доставить, друзья мои, съ него рисунокъ, и тогда пошлюкуемъ, что значить жаба, на скелетѣ человѣческомъ лежащая.

Въ Библіотекѣ Олаевской хранятся драгоценныя для Нѣмцевъ, любопытныя для всѣхъ уважающихъ шаланны, письма Люшера и Филиппа Меланхтона, его сподвижника, о Реформаціи, писанныя ими своеручно.

Олай или Олафъ, попомокъ Гаральда Смѣлаго, Короля Норвежскаго, за освобожденіе опечеснѣва своего изъ подъ ига Дашчанъ и Христіанскія добродѣтели, признанъ опъ одноземцевъ за свяпаго. Скоро въ чужихъ земляхъ спали посвящашь ему храмы, а въ 1329 году Дашчане выстроили сію церковь въ чesнь имени Олая, за спроеніемъ коей надзиралъ Епископъ, шоже Олаемъ именовавшійся.

Берегъ, берегъ, друзья мои! Намъ оспалось осмошрѣшь шолько домъ Черноголо-

выхъ братьевъ. Пріятель и поварищъ мой Р-нъ уже предъувѣдомилъ членовъ о посѣщеніи, и учтивые форшпейеры общеснѣва вынесли намъ всѣ рѣдкости. Мимоходомъ окинувъ глазами обширную залу, я пожалѣлъ, что при Іоническія колонны, подпирающія плафонъ, мѣшаютъ проспекту. Еще весьма недавно спаринные чешвероугольные столбы смѣнились эфѣми колоннами, а съ ними вмѣстѣ выѣхали вонъ и поршпейеры Королей Шведскихъ. Между прочими Карлъ XII переселился съ почешнаго мѣсна въ переднюю — вѣроятно на спражу. Вонъ огромные кубки, изъ коихъ братья Шварцен-Гейпшеры попивали вспарину Малвазію: вонъ самый древній изъ нихъ, сдѣланный изъ ноги серны, можешъ бышь, въ память Ревеля (Ree-val). Изъ него-то Великій Петръ пилъ за здоровье Черноголовата Общеснѣва, въ которое вспустилъ онъ членомъ по взятіи города; изъ него-то, друзья мои, пилъ и я, и съ восхищеніемъ поцѣловалъ то мѣсно, къ которому прикасались уста величайшаго изъ смертныхъ; Петръ, Екатерина II и Александръ I

подарили Обществу по серебряному кубку, сдѣланному на подобіе ноги дикой козы. Многія кружки деревянные съ обручиками, а чаши почти всѣ украшены изображеніемъ Св. Мавриція, который былъ Мавръ по роду, и полководецъ по ремеслу. Намъ особенно понравился очень замысловатый кубокъ, въ которомъ на шарикѣ плавалъ серебряный мальчикъ. Дѣло состояло въ шрудности носомъ ушопить пловца въ винѣ, иначе кубокъ наполнялся снова до пѣхъ поръ, покуда не ушоплялся разумъ пьющаго. Желая испытать и въ этой игрѣ счастья, мы налили въ него вина, балансировали и рпомъ, и носомъ и глазами — все напрасно; упрямый человѣчикъ никакъ не хотѣлъ понусть, и мы, позабавившись выдумкою прежнихъ лѣтъ, когда искусство пить было систематическою наукою, посмотрѣвъ на подпись руки Петровой и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему особъ, полюбовавшись серебрянымъ голубемъ, котораго привѣшивали на высоту для прыганья, пошли въ верхніе покои Общества. Тамъ замѣчательнаго только: лапы, ланцы, употреблявшіеся на

турнирахъ, киповая коспъ и образъ, представляющій жизнь Св. Мавриція. Говорящъ, будто при введеніи въ Ревель Люшперова Исповѣданія, онъ былъ оспаленъ; но случай, спустя долгое время, открылъ его, и Шварцен-Гейшперы съ торжествомъ перенесли оный въ свою обитель. Образъ эпосъ по живописи дорого цѣнился Каполиками; сказывающъ, что, не смотря на его тяжесть, они давали за него вѣсомъ серебра; но братья Обществъ не согласились, и Каполики съ досады подослали подкупленнаго ими живописца, чтобы онъ, взявшись поправить испорченныя сыростью мѣста, обезобразилъ рисунокъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. За истину сего анекдота не ручаюсь; но думаю, судя по работѣ, что невѣжество мастера и поправщика участвовали въ томъ болѣе, чѣмъ зависѣ Каполиковъ.

Военно-торговое Общество братьевъ Черноголовыхъ учредилось въ XIII вѣкѣ, прежде Рижскаго; но когда именно — не извѣстно. Шварцен-Гейшперы составляли и составляютъ городскую конную гвар-

дію ; лѣтъ 15 назадъ , они въ праздники парадировали на лошадяхъ въ старинномъ одѣяніи : но теперь даны имъ гражданскіе мундиры. Нынѣшній домъ Общества построенъ въ XV вѣкѣ. Въ немъ основанъ клубъ Черноголовыхъ , иначе *Einigkeit* (т. е. согласіе) называемый , въ который принимаются члены изъ гражданъ города и Офицеровъ Русской службы (19).

Не буду описывать вамъ , мои друзья , домика и дворца Петра Великаго въ Екашеринен - шаль (20) по многимъ причинамъ : во - первыхъ потому , что я тамъ не былъ. За то расскажу анекдотъ о немъ самомъ .

Побѣдишель Карла XII , послѣ взятія Ревеля , осматривалъ Эспонію. Проѣзжая мимо замка дворянина Рамма , послалъ сказать ему , что онъ хочетъ у него обѣдать. — « А я не хочу зпато ! » отвѣчалъ Раммъ , упрямый защитникъ прежней власти. Петръ вспыхнулъ , прискакалъ въ замокъ , и проспью своею наэлектризовалъ спину дерзкаго. Гдѣ гнѣвъ , шумъ и милость , говоритъ пословица : — искренность и свѣдѣнія Рамма понравились Им-

перапору; онѣ помирился съ нимѣ и наконецъ такъ обворожилъ своимъ умомъ и ласковосшью прежняго недруга, что онѣ душой гошовѣ былѣ жершвованѣ Государю Русскому. Проси какой хочешѣ милоспи, сказалѣ Петрѣ добродушному хозяину своему на прощаньи, я исполню ее. — «Государѣ! ошвѣчалѣ Раммѣ, подари мнѣ просшѣ, кошорою меня наказывалѣ: она будешѣ памяшникомѣ моего заблужденія, Царской горячноспи и великодушія великаго человѣка.» Петрѣ усмѣхнулся и ошдалѣ. Тросшѣ сїя съ благоговѣніемѣ хранишся понынѣ у наслѣдниковѣ Рамма.

Вопшѣ все, что я могѣ собраншѣ изъ книгѣ и ошѣ досповѣрныхъ людей о Ревелѣ, о кошоромѣ еще никшо не говорилѣ въ особенноспи. Испорїя моя кошорика, эшо правда; за шо я не сочинилѣ, а шолько написалѣ оную. Надѣюсь, вы, друзья, проспишѣ вѣшпренаго кавалерисша за шо, что періоды его не выровнены, не блишашельны; — я бросалѣ ихѣ съ пера моего, саблею очиненнаго, въ быспрые промежутки забавѣ и ушмалоспи,

подъ холоднымъ крыломъ сна. Проспиши и за долгія письма мои — и за то, что, пробывъ двѣ недѣли въ Ревелѣ, я на два мѣсяца наслалъ къ вамъ скуки — рука не успѣваетъ писать, когда сердце съ ней въ разговоръ. Не въ своемъ краснорѣчьи, а въ вашей благосклонности найду я ходатая моему многословію; но прощайте! ... Я думаю выѣхать завтра вечеромъ, и черезъ три дня другъ вашъ опрыскаетъ чуждый снѣгъ на порогъ пріятельскомъ.

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ НА ВОЗВРАТНОМЪ ПУТИ ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

СТАНЦІЯ ЛООПЪ, въ 70 верстахъ отъ Ревеля.

12 Часъ ночи, 7 Января.

Для чего взоры не могутъ проникать шуманную даль въ слѣдъ за быспрокрылою мыслью? тогда бы въ глазахъ моихъ прощипали вы, друзья опдаленные, все, что отражается въ нихъ волненіемъ сердца, все, что душа чувствуетъ, воображеніе обнимаетъ, и слово не можетъ выразить.

Пусть молнія увьепъ перо мое, пусть слѣдъ его вспыхнетъ огненными черпами — и тогда еще выраженіе будетъ слабымъ опголоскомъ, однимъ призракомъ чувствъ невыразимыхъ! Мысли, сверкнувъ, исчезающъ — какъ исчезаепъ на долинь мгновенная пѣнь сокола поднебеснаго.

Часто, какъ шеперь, думы исполинскія и бурныя чувства роящся въ груди и въ головѣ моихъ. Гнѣвъ, воспоминанія, надежды, мечпы вливаются, пѣсянся, рвущся въ душу мою вмѣстѣ и порознь, шо улаждаа, шо перзая её. Но гдѣ найду я ношы сердечныя, чшобы изобразипъ всѣ оппѣнки, всѣ измѣненія, всѣ звуки ошущеній моихъ? ... О, если бы это холодное письмо, подобно лдяному зеркалу, собирающему лучи свѣта, могло собрать лучи оныхъ — опразипъ мои чувства на сердца ваши и предспавипъ шамъ хопя блѣдное ихъ изображеніе.....

Но куда увлекла меня фаншазія? Обѣщая вамъ описывать, что было и еспъ наяву, я хошѣлъ уже нарисовать мушныя сновидѣнія разума! Вотъ сущность:

Неохотно опкрылъ я сегодня упромъ

глаза мои, и снова закрыть ихъ, какъ бы желая рѣсницами уловить сонъ минувшаго. Не радостно, друзья мои, распаивались съ людьми госпепріимными, съ знакомствомъ новымъ, съ мѣспомъ, гдѣ ничто не мрачило веселости нашей! Грустно прощались и можемъ быть навсегда, едва вблизи обознавшись съ предметами. Но какъ бы то ни было, мы собрались къ выѣзду изъ дома Генерала.

Друзья и сродники, знакомыя и знакомцы съѣхались проводить любезнаго хлѣбосола Ревельскаго, кошорой съ одною изъ дочерей своихъ опправлялся въ Пешербургъ вмѣстѣ съ нами. Изъ-за спола, за кошорымъ много разговаривали и мало ѣли, за кошорымъ шумѣло возліяніе въ честь Эрмія, хранишеля дорогъ, чпобы онъ даровалъ намъ пушь счастливой, гдѣ шушиль кшо умѣлъ, и смѣялся кшо былъ въ расположеніи — изъ-за спола поднялись въ 3 часа. Повозки звенѣли и скрипѣли передъ крыльцомъ — всѣ говорили: «пора» и всѣ медлили; порученія сыпались со всѣхъ споронъ; наконецъ волею и неволею надобно было ѣхать, чпобы въ шемношѣ не за-

блудисься на опасной дорогѣ первой спан-
ціи. Съли въ комнахъ по обычаю спари-
ны Русской — вспали, помолились пена-
памъ домашнимъ; я сжалъ руку новымъ
друзьямъ своимъ, бичъ хлопнулъ — и черезъ
полминуны вѣшеръ донесъ къ намъ по-
слѣднее »прощайше,» на прехъ нарѣчіяхъ
посланное.

Проѣхавъ Екашеринен-шаль, я оглянул-
ся на Ревель: онъ гордо вздымалъ увишны
вечернымъ шуманомъ спѣны и колокольни
свои; солнце, падая за нимъ въ море, ярко
абрисовывало громаду башенъ и шпицовъ,
подпирающихъ горизонтъ. Мало по малу
въ опдаленіи исчезли опшѣнки зданій, все
сливалось въ одну сумрачную краску на
заревъ — и вдругъ весь городъ скапился
за черпу зрѣнія, прегражденнаго горою. —
Еще однажды мелькнули главы Вышгоро-
да изъ-за холмовъ Лаксбергскихъ; въ пос-
лѣдніе бросилъ я взоръ на нихъ, на закапъ
слияннаго съ землею неба — и завернулъ
въ шинель свою.

Тихо скользили сани наши по излу-
сшой и узкой дорогѣ, завѣянной недавни-
ми выюгами; лошади грузли въ рыхломъ

снѣгу; однозвучный ихъ шопотъ, единообразное колебаніе саней, навели на меня какую-то грустную дремолу. Лай собаки, одинакаго спража Эстонской хижины, пробудилъ меня; луна вспала изъ-за сельскаго храма, и серебряною дымкой волновались подъ ней легкіе пары.

Здѣсь мы ужинали и ночуемъ. Всѣ спятъ, кромѣ пера моего; лампада меркнетъ, дымишя, угасаетъ; довольно!

СТАНЦІЯ ПЕДРУСЪ.

8 Января.

Едва зарумянилась утренняя звѣздочка на краю неба, мы уже скакали далѣе и далѣе. Вспало солнце; зимній вѣтерокъ навѣвалъ иней съ вѣшокъ опущенныхъ снѣжинками, дымъ съ низкихъ хашъ розовыми клубами сплался по вѣпру; болтливыя сороки прыгали на кровляхъ, щуры порхали по дорогѣ, дышлы вились по изгородамъ. Спранная нить мыслей человѣческихъ! спугомъ своимъ они напомнили мнѣ бѣгство Игоря изъ плѣна Половецкаго, когда невѣдомый пѣвецъ провожаетъ его къ Донцу друж-

любному, гармоническою пѣснѣю своею. —
 »Все споспѣшеспвовало, говоришь онъ, пред-
 приятію Князя: »Сороки не спрѣкопаша,
 по лозамъ ползаша только. Дяплове тек-
 томъ пупъ къ рѣцѣ кажущъ.» — Перечи-
 шавъ наизусть нѣсколько опривковъ изъ
 поэмы: »Походъ Игоря на Половцевъ,» въ
 виду Везенберга (по-Русски Раковора), мнѣ
 казалось, что я совершилъ призну храб-
 рымъ соопщичамъ моимъ, павшимъ на сихъ
 поляхъ, или подъ его спѣнами.

Большая часть Эспоніи, исключая окру-
 говъ: Венденскаго, Ревельскаго и Нарвска-
 го, плоска, хопя и возвышенна. Однѣ только
 рыпвины, вѣроятно, бывшія по соотво-
 реніи міра ложемъ рѣкъ быспрыхъ и глу-
 бокихъ, оживляющъ единообразіе Природы.
 Кто знаетъ, можетъ бытъ невѣдомыя пле-
 мена плавали на ладьяхъ тамъ, куда мчаш-
 ся шеперь сани мои — гдѣ льшомъ бле-
 щетъ коса Эспонца?

Сколько я могъ замѣшипъ на проптали-
 нахъ скалъ, породы, составляющія почву
 Эспоніи, наиболѣе принадлежащъ къ 3й эпо-
 хѣ осадки химической (Flotz - Zeit). Къ Ре-
 велю, всѣ поля покрыты ломаными для

продажи плишами извешняку, копорый всегда соспоишь шамъ изъ горизонтальныхъ слоевъ, рѣдко съ механическою примѣсю глины перемѣшанныхъ. Ближе къ Нарвѣ земля, какъ и въ окрестностяхъ Пешербурга, усѣяна гранишными обломками, округленными силою воды, изрѣдка гнейсомъ, въ знакъ пребыванія края сего дномъ Океана. Самая высокая гора въ Ливоніи естъ Везенбергъ. на копорой споишь того же имени замокъ. Она возвышается надъ морскою поверхноспію на 1200 фушовъ.

Дурныя и узкія, по малочисленности проѣзжихъ, дороги здѣшнія, мелкія лошади и негодная упряжка зимняя, гуськомъ, дѣлающъ путешеспвіе наше не слишкомъ приятнымъ. Кспаша о почтахъ: Еще Карлъ IX предлагалъ дворянспву Ливонскому успроишь почшы и корчмы. Последнее оно исполнило; но регулярныхъ почщъ не было до 1639 года. До шѣхъ поръ вольные или нарочные тонцы перевозили письма, а переѣзды наиболѣе совершались верхомъ.

СТАНЦІЯ ВАРГЕЛЬ.

4 часа по полудни.

За чашкою соленого шоколада, копорый хозяйка сварила намъ на кисломъ молокѣ, пишу упреннй разговоръ мой съ брапомъ. Было шепло и солнечно, когда мы выѣхали съ почповаго двора; но дума и разсѣяносшь мелькали на лицѣ моемъ. »О чемъ ты задумался? спросилъ меня, усмѣхаясь, брапъ мой; не новая ли крипика занимаешь тебя?»

Я. Развѣ ты воображаешь, что я могу, какъ спранспивующій Триспрамъ Шанди, пришивашъ періоды къ несочиненнымъ еще сочиненіямъ! Благодаря судьбѣ, я не обязанъ думатьъ впередъ о швореніяхъ, о копорыхъ вовсе не думали ихъ шворцы.

Онъ. Вольно же тебѣ выбирать подобныя мелочи. Если, какъ ты называешь »шесшое чувство швое, ш. е. вкусъ эстетической» превратилось въ необходимость крипиковашъ, почему не выберешь предмета, досшойнаго шруда, полезнаго для Липшерашуры?

Я. Во-первыхъ, во-шпорыхъ и въ шрешъ ихъ пошому, что я еще не надѣюсь на свои

силы. Припомъ лѣнь, разсѣяніе и служба дѣляшъ время мое »до завтра« говорю я каждый день — и проходяшъ мѣсяцы, за то приходишъ опытнось. Далѣе, мыслю я, мнѣніе публики о лучшихъ современныхъ Писателяхъ почти справедливо — и попому, на примѣръ: Жуковскому и Крылову едва ли прибавишъ достоинства и прекрасная кришика, — Пушкина и Баратынскаго не убьешъ и дурная. Но когда я вижу самозванцевъ-Поэтовъ рядомъ съ папронами нашего Парнасса, когда замѣчаю людей, изъ коихъ одни хоцяшъ пробитъ дверь славы мѣднымъ лбомъ самохвальсва, а другіе проползшъ къ ней въ замочную скважину — въ то время кровь моя кипишъ — и вопъ въ зеркалѣ кришики Мидасъ любуется своими ушами — кошорыхъ бы онъ не увидѣлъ иначе.

Онъ. Спиранный шы человекъ! доказываешъ шо, о чемъ знаешъ всякой, сколько нибудь одаренный здравымъ смысломъ; а глупцовъ не увѣришь никакою Логикою въ свѣшъ. Споншъ ли шруда вызывашъ ушолченниковъ Лешы? и доказывашъ, какъ

говоришь Ривароль : »что они неизвѣстны своими произведеніями.«

Я. Все это очень хорошо и не совсѣмъ справедливо. У насъ г-мъ Авшорамъ вѣряешь часно на слово, а Липшерапурное имя подѣ часть купишь можно и завпраками. Конечно знапки не обманываются сусальной ихъ позолопою; но молодые люди, начинающіе писать, могутъ обольститься ложнымъ блескомъ, и тогда — прощай образованность ! Они уже вѣспники испорченнаго вкуса, они ученики Фламандской школы Словесности.

Онъ. Не надѣешься ли ты обратишь ихъ на путь истинный ?

Я. По крайней мѣрѣ, желая этого, я имѣлъ полезную цѣль ; — никогда не скажу : »мы нахали,« но шѣмъ не менѣе буду говоришь правду.

Онъ. Ты видѣлъ, что правда навлекла шебѣ многія неудовольствія.

Я. Это и бышь не могло иначе. Очень знаю, что многіе обрекли меня на оспрацизмъ, не читавши ; иные возспали по знакомству съ моими аншагониспами, другіе по инстинкту, — прешьи для магическа-

го слова : такъ. Пораженные вопиють на несправедливость, но гдѣ? на какой галерѣ найдешь виноватаго? Эпи господа сердятся даже, если вмѣсто пяти сонъ, выпишешь изъ нихъ только двадцать дурныхъ стиховъ — а всё изъ одной спраски бытъ еще разъ напечатанными — и дабы имѣть случай опъ чистаго сердца признаться публикѣ — что они : Гении. Не пройдешь недѣли и уже они разъѣзжаютъ на палочкахъ самолюбія, будно побѣдили. Знаю и то, что, благодаря кришикѣ, мнѣ часно приписываютъ честь авпорсва всѣхъ безымянныхъ глупостей Пешербурга, — наконецъ вижу, что многія особы изъ прекраснаго пола по наслышкѣ раздѣляютъ мнѣніе о моемъ мнимомъ злоязычїи, и право думаютъ, будно я на каждую женщину гляжу какъ на новую комедию; — но я ли виноватъ, что у насъ до сихъ поръ слово : кришика, значить одно съ бранью?

Онъ. Не ты одинъ, но всё вы. Зачемъ облакашь разборы свои въ шуточную одежду и заставляешь сужденія оныхъ оспрошамы, часно обидными?

Я. Послушай, mon cher! всѣ люди сколько нибудь злы: чѣобы заспавишь ихъ чишаешь правду, надобно польспишь шакой ихъ наклонности; а сухая ученость, неприправленная шулками, никакъ не понравится юношескивающему вкусу нашей публики, — словомъ, вниманіе чишающихъ надобно привлекаешь какъ элекпричество — оспрошами.

Онъ. Опять новое сравненіе и новое прошивурѣчіе; не ты ли говоришь про многихъ писаекъ нашихъ: »они слишкомъ дружны съ своимъ самолюбіемъ, слишкомъ вѣраешь своимъ приашемъ, чѣобы дожишь до попомспва,» а самъ угождаешь приходящимъ наспоющаго времени. Еще одно замѣчаніе: сколько я вижу, тебя не даромъ упрекають въ излишеспвѣ шулокъ въ твоихъ рецензіяхъ и не даромъ говоряешь, чѣо ты гоняешься за оспроуміемъ.

Я. Помилуй, можно ли говоришь съ сурьезнымъ лицомъ о нелѣпостяхъ. Чѣо до вшораго, увлеченный природною веселостью, можешь бышь, я шочно заслуживаю это нареканіе; но самъ въ себѣ невиновашъ въ изысканности.

Онъ. Оспропта, другъ мой, будучи пѣнью, опброшенною умомъ, освѣщеннымъ веселоспью, слѣдуешь за нимъ, когда онъ идетъ своею дорогой, но бѣжишь, если умъ за нею гонится. Потому весьма легко опличишь оспропты напшанушья опъ природныхъ; даже предположивъ, что я и публика вѣряшь тебѣ въ непринужденности — ты не менѣе упомишь вниманіе наше самими забавными, но многочисленными сравненіями, потому что всякому ощущенію есть границы. —

Я. Foi d'un journaliste, общаюсь исправшись и не обращаешь рецензій моихъ въ арсеналъ игрушекъ!

Онъ. Не лучше ли и совсѣмъ оставишь бесплодное поле крипки, или, возвращаюсь на прежнюю мысль, брось крипикованъ пуспяки.

Я. А я опять повшорю тебѣ, что кто бы и какъ бы не разбирали, все таки, рано ли, поздно ли, это принесетъ пользу. Цѣль крипки есть: выказываешь дурное и хорошее; а хорошее можетъ найшисъ и въ забыныхъ фоліаншахъ Боброва, даже Тредьяковского. Между шѣмъ въ спорахъ

крипическихъ образуешся вкусъ, и правила языка принимающъ швердосшъ. При первомъ дуновеніи здоровой крипики, разлепающся неумѣспныя похвалы друзей и неправая брань зависпниковъ, а сочиненіе съ вѣрною оцѣнкою падаешъ въ руки любителей. Конечно, всякому не мудрено ошибиться; не всегда сужденія крипики безгрѣшны, не всѣ мнѣнія могушъ бышъ общими; — но въ шакомъ случаѣ должны перевѣсипшъ доказашельсшва самыя удовлетворительныя.

Онъ. У насъ совсѣмъ напрошивъ: мнѣніе большей части, по швоей же Такшикѣ склоняешся на спорону послѣдней брани, пошому что рѣдкой захочешъ повѣрять чужіе шолки; — по крайней мѣрѣ я шакъ думаю.

Я. А я въ шомъ увѣренъ; однако, если пяпшъ человекъ изъ сошпи чипающихъ разсудяпшъ о вещи, какъ должно — намѣреніе выполнено. Королшко сказапшъ, крипика, не смолря на заговоры дробной шляхшы липшерапшурной, обязана воздавапшъ должному должное. Она, какъ благошворный Нилъ, разливомъ своимъ испребляешъ вредныхъ не-

сѣкомыхъ, освѣжаешь атмосферу вкуса и плодотворитъ юныя расцвѣтія, оставляя на поляхъ Словесности. . . .

Онъ. Песокъ.

Я. Пускай песокъ, только золой. Однако, оставя всѣ выпренности и шушкету, ты вѣрно сознаешься, что кришника была и будетъ краеугольнымъ камнемъ Лишшера-шуры.

Онъ. И камнемъ преткновенія для кришниковъ. Но

»Приѣхали,» сказалъ извозчикъ, опряхавъ и прощипывая руку. »Пей за здоровье кришники,» сказалъ я ему, давая гривенникъ. Видно она добрая барыня, ворчала, кланяясь Эспонекъ — и мы, смѣючись, вошли въ компанію почтового дома.

НАРВА.

2 часа ночи, 9 Января.

Х Нанекъ мы оставили за собою землю, бывшую, такъ сказать, бульваромъ народовъ сѣверныхъ, спремившихся разхищать Россію. Ливонія, вѣчная жертва прихельцевъ, восплакала для Испоріи кровавое воспоминаніе; первыя извѣстія о существо-

ваніи оной были уже не первыми ея бѣдами. Русскіе и Дашчане, Поляки и Шведы прошекали съ опустошеніемъ изъ края въ край; гордые, жеспокіе Рыцари мучили, какъ Илошовъ, креспьянъ своихъ; враги опшнимали у нихъ, чшо могли; владѣльцы, чшо хошѣли, а они хошѣли всего. Каждая мыза была замкомъ, каждой замкомъ крѣпоснью; спѣсны Рыцарей возвышались руками вассаловъ, а вассалы не имѣли хижинъ, куда преклонишь голову, и поля господъ орошались ихъ кровавыми слезами. Война палила нивы, голодъ и моръ похищали жишелей; наконецъ, словіе Гофлейшовъ, сія нечислая пѣна, произведеніе буръ полипическихъ, споило наѣздниковъ и споронщиковъ (21) Русскихъ. Запала ими дорога шорговая, и ни свои, ни чужіе не избѣгали грабежа. Но опшврашимъ взоръ опъ ужасовъ, коимъ сердце не даешъ вѣры вопреки уму; — замки, шягопшвшіе землю, не сущесшвующъ; феодализмъ лежишь подъ ихъ развалинами, покой оживляешъ Эспонію, и она мало по малу собираешъ силы, ишощенныя семивѣковыми бѣдсшвіями.

Эстонія была обитана наиболѣе Эстами (ш. е. Чудью), Ливонія вообще — разноплеменными народами по языку, однородными по образу жизни. Ливы и Лешы (ш. е. Лангыши) скоро соединились съ Нѣмцами, для покоренія своихъ земляковъ, и не избѣгли общаго рабства. Всѣ Ливонцы, особенно Эсты, были народомъ грубымъ и безчеловѣчнымъ; часно мужественнымъ, всегда коварнымъ. Звѣроподобные въ домашнемъ быту, невѣжественны до невѣроянія въ военномъ, они не знали ни броней, ни каменныхъ укрѣпленій; забавно было предпріятіе Семигаловъ, веревками сплести въ Двину первый каменный замокъ, поспроенный Мейнгардомъ, проповѣдникомъ въ Икскулъ (Икескола).

Ни одинъ Скальдъ, ни одинъ повѣствователь изъ среды Ливонцевъ, не передалъ подвиговъ своего народа вѣкамъ позднимъ. Славныя дѣла ихъ погасли съ зарею дней, бывшихъ свидѣтелями оныхъ. У враговъ ихъ, Нѣмцевъ, сохранились только немногія имена Героевъ Ливоніи. Кобо, сподвижникъ Альберша, и Дабрель (изъ То-

рейды, ш. е. Трейдена) были воеводы Ливскіе. Русинъ (изъ Сопекла), Варидонъ (изъ Аишина) и Талибальдъ (изъ Беверина) были Лешны, а Лейбишъ (изъ Леаля) Эспонецъ. Сей послѣдній въ 1214 году поднялъ всю Эспонию противу пришлецовъ Германскихъ; погромилъ окрестности Риги, заперъ Двину копьями, спалилъ землю измѣнниковъ Лешновъ. Но мечъ судьбы обоюду остръ: Рамеко и Друнвальдъ, сыновья несчастнаго Талибальда, замученнаго Эспами, подъ знаменемъ Рыцарскимъ опшмшили спорицею смерть опца и сродниковъ, на самомъ Лейбишѣ и его вѣрныхъ. Болѣе спа начальниковъ и многія тысячи Эсповъ погибли на коспрахъ или въ мученьяхъ жестокихъ.

Я прежде замѣнилъ ужé, что Эспонцы теперь исправляющія нравственностію; но образъ плашья, различный опъ Финскаго, и домашней жизни не много измѣнились, кажешся, опъ времянъ первобытнаго ихъ соспоанія.

Свѣшная ночь озаряла башни Нарвскія, длинныя шѣни лежали по долинамъ снѣж-

нымъ. Подѣзжая подъ мрачныя вороша, копорыя вшорили гуломъ шопопу коней, я вспомнилъ послѣднюю осаду Нарвы, и, казалось, видѣлъ Героя Шеремешева съ мечемъ въ рукѣ, когда онъ, спустивъ одною ногой на боевую лѣспницу, обращается къ адъютанту Петра Великаго и хладнокровно ошвѣчаетъ на приказъ его, ошшупывая: «скажи Государю, чшо я принадлежу теперь не ему, а попомсхву; впередъ!» и Русскіе на шшѣнахъ города; но бой еще горѣлъ и въ срединѣ его, Шведы съклись и спрѣлялись съ нашими на улицахъ, въ домахъ, повсюду. Я прошелъ до Рапуши, въ копорую Великій Петръ влѣтѣлъ съ мечемъ въ рукѣ, и, говорящъ, въ пылу гнѣва ударилъ въ щеку Комменданша; «глупецъ!» вскричалъ онъ ему, повергая на споль мечъ свой, «сможри, на немъ кровь моихъ подданныхъ, пролилая за вась! шш предвидѣлъ всѣ ужасы приспуна, зналъ чшо не можешь удержашься и бесполезно подвергъ невинныхъ гражданъ ярости непріятеля!»

Прощивъ Рапуши я невольно узналъ госпепрімный домъ негоціанша К—ра,

гдѣ провелъ споль пріяшній вечеръ не первый Русской пѹшешесшвенникъ, но лучшій Писашель своего пѹшешесшвія.

На темной прорѣзной главѣ Собора и въ окнахъ спроеній блисшали лучи полнаго мѣсяца. Улицы въ Нарвѣ прямѣе, шире и чище Ревельскихъ; дома правильнѣе и единообразнѣе. Спустившись подѣ высокой мосшѣ, ведущій на Вышгородъ, мы доѣхали до вшорой засшавы, выѣхали изѣ пакѣ называемыхъ Водяныхъ ворошѣ на мосшѣ Наровской, — и прекрасная картина опкрылась глазамъ нашимъ влѣвѣ и вправѣ. Огромные замки: Иванъ- и Вышгорода, споящіе на прошивуположныхъ берегахъ Наровскихъ; почертѣвшія высокія спѣны и зубчашья башни ихъ, скалы и ушесы, нависшіе надъ рѣкою, и вся гошическая древносшѣ военной Архишекшпурѣ вселяющѣ чшо - шомрачное и унымое.

Эпоха посшроенія Нарвы весьма неопредѣленна. Ливонскіе испорики полагающѣ оную около 1221 года, но безѣ всякаго основанія. Лербергъ, напрошивъ шого, говорившѣ, чшо до 1280 года ничего не слышно

было о семьъ городѣ, и что въ первой разѣ о немъ исторически упоминается въ актѣ (1321 года), подписанномъ Королемъ Датскимъ Христофомъ II. Но если вѣрить первымъ, Нарва была дважды усилена Орденомъ еще Вольдемару II, и очень естественно, что не Шведы, а Датчане построили оную. Ивангородъ построенъ Русскими, при Великомъ Князѣ Иоаннѣ Великомъ. Оба города переходили изъ рукъ въ руки, осады слѣдовали за осадами, бывшы смѣнялись другими; изъ обѣихъ крѣпостей, стоящихъ на переломѣ стрѣлы, Русскіе грозили Нѣмцамъ, Нѣмцы перевозили Русскихъ. Наконецъ Шведы завладѣли Нарвою, — но и при нихъ не однажды огонь нашъ палилъ внутренность города.

Завтра, чѣмъ свѣтъ — радуйшесь за меня, друзья мои — я ѣду смотрѣть водопадъ Наровскій.

СТАНЦІЯ ЧИРКОВИЦЫ,

9 Генваря.

Взявъ на Нарвской станціи лошадь, я отправился верхомъ къ водопаду; скачу, и черезъ двадцать минутъ оспанавливаю коня своего :

Тамъ , гдѣ гремучая Нарова
Съ ушеса падаетъ крушова.
Сперва она, раскинувъ лёдъ ,
Къ порогамъ съ гордостью печётъ ;
Вошь ожемчуженной грядою
Толпящая волны за волною ,
Въ спѣснённый , боязливый кругъ ,
Вошь близко пропасти, и вдругъ
Сверкнувъ лучемъ хрустальной влаги,
Внизъ скачутъ полныя опваги ;
И, прядая черезъ скалы ,
Играютъ въ красотѣ чудесной
Опливомъ радуги небесной ,
Огнями громовой стрѣлы ;
Вошь въ бурные слились валы
И съ грохотомъ алмазну спѣну ,
Упавъ , разбрызгиваютъ въ пѣну.
Громами падающихъ водъ
Двоитъ свой шумъ водоворотъ ,
И берегъ одичалый роя ,

Нарова грозная шумишь
И снова, чуждая покоя,
Въ зашворахъ мельницы кипишь.

Низпавшая рѣка дѣлился на - двое , и образуешь островъ, на которомъ стоятъ двѣ пыльные мельницы. Голова кружится, внимая шуму волнъ: онѣ спонущъ, разбиваясь о кремнистые утѣсы, спелюшя на нихъ всплѣсками , и съ пѣною , съ ревомъ текутъ , спрѣлой несущя далѣе. Рыболовы увѣряютъ , что подъ наклоненными скалами порога есть пещеры, недоступныя водѣ. Многіе смѣльчаки пробирались туда сквозь бой водовороша и безвредны возвращались назадъ. Но посмотрише снова на водопадъ :

Спруи , свергаясь пеленою ,
Какъ бы играютъ межъ собою :
То брызжутъ золошымъ снопомъ ,
То гнутя радугою смѣлой ,
То вспыхнувши цвѣшнымъ лучомъ ,
Лешать и гаснутъ въ пѣнѣ бѣлой.

И это еще не всё, друзья мои! Вспомнише, что шеацрѣ предспавляетъ морозъ въ 15 градусовъ, что солнце опражается

въ пысячахъ разнообразныхъ ледяныхъ кри-
сталловъ :

Тамъ видѣнь зеркаломъ Наядъ ,
Оледенѣлый водопадъ ;
И цѣпи мховъ , и плющъ печальной
Корой подернушы кристальной ,
Гроздами вылился алмазь ;
Съ прибрежныхъ соснъ , съ вѣшвей долины
Кислями зыблются рубины ,
И блескомъ ослѣпляютъ глазъ ;
И всё величїе каршины ,
Покровъ сіящій зимы ,
Рѣки пѣнисные холмы ,
Плескъ волнъ , пороговъ содроганье
Скрытъ колеса , жужжанье пилъ ,
Свершили чувствъ очарованье ,
И мнилось мнѣ , что взмахомъ крыльъ ,
По манію волшебной шроспи ,
Я занесенъ къ Армидѣ въ госпи
Или въ черпогъ безплодныхъ силъ.
И въ пурпурны сліянный шучи ,
Кругомъ ошъ брызговъ дымъ лепучій
И волнъ серебряный шуманъ
Все обольщенье уловляло ,
И все въ мечшашелѣ пишало
Души опшической обманъ.

Однако , я замѣнилъ , что мое вообра-

женіе, привычное только лепашь, а не пла-
вашь, опушило мошылковья крылья свои,
и опъ шого, можетъ быть, замѣише вы-
чшо и Поэзія моя упала на шочку замер-
занія. — Опдааясь опъ водопада, я не успа-
валъ любовашься имъ ; вдругъ печальное во-
споминаніе о несчастіи одного изъ пред-
ковъ моихъ , какъ шучей набѣжало на до-
вольную мысль мою. Я расскажу вамъ по-
вѣсь сего происшесшвія, какъ мнѣ пере-
далъ её опецъ мой. Эшопъ берегъ былъ
шеашромъ оной.

Не спало Грознаго Іоанна ! не прошли вре-
мена грозныя. Сѣкиры и палицы Опрични-
ковъ не висѣли уже надъ головами граж-
данъ ; но голодъ шерзалъ ихъ, Поляки рас-
хищали, Шведы громили. Коронко и бѣд-
спвенно было царшвованіе Θεодора ; онъ
умеръ , и раздоръ, увѣнчанный надгробны-
ми кипарисами власпи законной, схватилъ
бразды правлснія. Междоцаршвіе длилось
не долго : честполюбивый Годуновъ , могиль-
ною спезей прокрался къ прону сыновъ
Рюриковыхъ, и кровію Царевича Угличскаго
оросилъ шашкое колесо фортуны. Уже на-

лагалъ цѣпи и припворялся опровергающимъ вѣнецъ; какъ бы нехотѣя принялъ его, и мудрымъ, но злополучнымъ правительствомъ выкупилъ свои преступленія, и не могъ осчастливить подданныхъ. Фіалъ самодержавной оправы переполнился — ядъ прекратилъ бурную жизнь Годунова — и Русь превратилась въ станъ разбойничій: чужіе и свои грабили, кто что могъ. Поляки, покровительствуя Опретѣва, вторглись въ границы наши, какъ друзья — своихъ выгодъ. Дворъ призналъ Царемъ лже-Димитрія; народъ, вольный, только мѣнялъ цѣпи, казалось, вѣрилъ тому, и неистовства Липовцевъ ознаменовали возшествіе на престолъ прищельца.

»Рѣшено!» сказалъ тогда Бояринъ Геденъ Беспугевъ, »я не слуга Польшѣ. Кто не держалъ спрема Грозному, не поклонился пошѣ и Царю-Самозванцу; передъ нимъ корона, со мною честь моя, ѣду.» Сказалъ и отправился изъ Москвы въ свои помѣстья на Лугу мирную, гдѣ, какъ отецъ семейства, какъ добрый владѣлецъ, въ заботахъ сельскихъ хотѣлъ забыть горе опечесства, которому не могъ пособить.

Издавна ужасный Рыцарямъ, онъ зналъ спрахъ шолько въ своихъ прошивникахъ, и не разъ разгромленные спѣны городовъ Ливонскихъ видали его первымъ на раскатахъ своихъ, въ самомъ пылу приспупа. Возросши въ бипвахъ, Беспужевъ презиралъ пронырспвами Двора, не искалъ милоспи временщиковъ, не вымаливалъ Царской опалы. Какъ воинъ опышный, дрался въ полѣ; какъ прямой Бояринъ, говорилъ красную правду на шумныхъ выборахъ. »Но когда вяжутъ руки на доброе, думалъ онъ, не хочу служить злобѣ —» и ждалъ покойно лучшаго времени. »Аже-Димитрій свергнушъ!» разнеслось повсюду, и Гедеонъ запировалъ съ друзьями. »Теперь ты можешь бышь зящемъ моимъ, писалъ онъ къ юному Всеволоду Горскому; празднуешь святая Русь, а мы развѣ не Русскіе? оправданы мои слова, сбылись и швои надежды. Приѣзжай; Евпраксія, нареченная невѣсшавоя, будешь шебѣ женою.» Пылкій Всеволодъ прилепѣлъ къ любезной сердцу, и Беспужевъ, обнимая его, сказалъ: »дѣшпи мои быюшся въ дружинахъ дальнихъ, будь мнѣ вмѣстѣ сына роднаго. Недѣлю посвя-

шимъ радости, а попомъ иноходцы ждущъ насъ; ждесть поле рашное и служба опечесиву. Я слишкомъ спаръ, чшобы дорожишь своего жизнию, но довольно молодъ чшобы наносить смертъ врагамъ опичизны. Сегодня стоворъ, а завпра свашьба. Благоговляю!» Радостно чокались жалованные Цярями ковши съ золочеными кубками, за вечернимъ споломъ, въ рукахъ госпей и сродниковъ; шипѣли меда, лились вина и наливки. Красныя дѣвушки разпѣвали пѣсни; подъ гусли звончашья; женихъ съ невѣстой не могли наглядѣться другъ на друга; а спарики, разглаживая усы, полковали объ оружіи, о кольчучахъ, о коняхъ и воинахъ; вспоминали спаринное, готовились къ будущимъ бипвамъ. Всё шумѣло и радовалось, все праздновало и ликовало; пошли въ ходъ чары заздравныя, загремѣли бубны и трубы.....

Вдругъ черной воинъ, въ лапахъ Германскихъ, съ писполешомъ въ рукѣ явился передъ споломъ пиршесива »Ни съ мѣспа!» произнесъ онъ къ испуганнымъ госпямъ, кошорые поскакали съ лавокъ, »или я раздроблю черепъ первому, кшо пронеш-

ся!» Копья и карабины засверкали въ дверяхъ и окнахъ; изумленіе, ужасъ оковали всѣхъ, звукъ голоса умеръ въ воздухъ.

Узнаёшь ли ты меня, Гедeonъ? продолжалъ онъ, поднимая рѣшешку шлема своего и устремляя грозные взоры на Беспужева. Узнаёшь ли во мнѣ юношу, котораго повергъ и полонилъ ты на развалинахъ Ливевардена и въ цѣпяхъ волочилъ до Москвы? Пяшь лѣтъ, брошенный шамъ какъ звѣрь въ ямъ подземной, я пишался одною надеждою меспи. О! какъ проклиналъ я себя, когда Русскія дружины шли поражать братьевъ моихъ! я грызъ оковы, и наконецъ разбилъ ихъ, и наконецъ пришелъ къ тебѣ заплашишь долгъ мой. Чпожь ты не пошчуешь госпя нежданаго? или мнѣ начашъ круговую?

Тутъ налилъ онъ вина въ желѣзную перчашку свою, оппилъ самъ и подалъ ее Гедeonу. Долго я слушалъ тебя, незнакомецъ, ошеъчалъ Беспужевъ съ гордосцію; — не помню твоего имени Рыцарскаго, не хочу знать прозванья разбойника. Я служилъ родинѣ, — исполнялъ велѣнья Царя — Богъ судья ему, а не ты. Не думай,

что лапы шворяшь безспрашными: брашья швой и въ нихъ бѣгали опъ меня, я шебя презираю и безоружный. Передо мной сош-ни перчапокъ Нѣмецкихъ падали вмѣспѣ съ руками, — не бывашъ и эпой на спошъ Боярскомъ! Подлый розбойникъ! вошъ она. Онъ бросилъ ее на землю.

«Разбойникъ, говоришь шы, съ яроспю вкричалъ черный воинъ; но я былъ ученикомъ швоимъ въ ремеслѣ грабишельсшва; или шы позабылъ осаду Линневарденскую, когда алчные рапники дружины швоей сквозъ дымъ и огонь ворвались въ домъ опца моего, и младенцевъ, сеспръ и брашьевъ моихъ, размножили на камнѣ? Твой мечъ пронзилъ сердце моего роди-теля. «Меспѣ и свобода!» были послѣд-нимъ его завѣщаніемъ, единшвеннымъ моимъ наслѣдіемъ: великодушные Россіане испребили оспальное — даже слѣды замковъ моихъ исчезли подъ боронами вашими. Вы сокрушили Орденъ; но, сложивъ креспѣ, я не сложилъ меча, и эпопѣ мечъ, закаленный въ слезахъ Ливонскихъ, прищашъ лѣшъ вкушаешъ кровь неприяшельскую и швоею напьешся, но не здѣсь, нѣшъ, — шамъ, гдѣ

ты убилъ опца моего, шамъ изъ тебя по каплѣ выпочу жизнь и развѣю прахъ пивой по полю. Беспшужевъ! я не даромъ былъ свидѣшелемъ неслыханнаго свирѣпсва Царскихъ сподвижниковъ, когда военопльнному спарцу фонъ - Мюнстеру выжгли они шомполами глаза и замучили его подъ лозами (22). Я повшорилъ все это съ Де-ла-Гардіемъ въ Нарвѣ и Венденѣ, опімщевая смершь друзей, копорые взлешѣли добровольно на воздухъ, не желая подвергнушья плѣну подобныхъ варваровъ (23). Зачѣмъ ты не вспрѣшилъ шамъ смерши опъ руки моей въ бишвѣ почешной? Я клялся погубишь тебя — и погибнешь безъ славы. Ты, злодѣй, опнялъ у меня свободу, чесшь и всё, чшо челошѣку дорого на земли. Во время плѣну моего, моя суженая вышла за другаго; и — я убилъ ее, и ты одинъ виненъ, чшо Эдгардъ фонъ - Шрейшерфельдъ спалъ разбойникомъ. Проклятія всѣхъ — шеперь мои шишла; обращаю ихъ на швою голову, и радуюсь, чшо ты можешь понимашь оныя на языкѣ своемъ. Но — уже время! Ринекеръ! Розишпенъ! Вульфъ! попросише Бояръ распоясашься и

связаише ихъ кушаками. Долой бархашъ и камку, весною тепло. Рейшары! снимайше со стола серебро и золошо, съ гостей жемчуги и каменья. Фрейманъ! солому во всѣ углы, пещли по всѣмъ жолобамъ: двухъ на висѣлицу, прешьяго на воропа — понимаешь? Спарики не споюшъ пороху, оставъ ихъ погрѣшья у пожара. Смошри, Гедеонъ! одинъ шолько эшошъ кременъ ошчался мнѣ опъ всего дома родишельскаго, и онъ раздѣлишъ со мною сладость мщенія!»

Съ сими словами Шрейперфельдъ ударилъ кремнемъ въ обухъ меча своего, искры полились, зажгли шрушъ и солому, и домъ вспыхнулъ. Крикъ, вопли и выспрѣлы раздались повсюду. Гофлейшы грабили и рѣзали, деревня пымала, вой набашныхъ колоколовъ разносилъ ужась въ окрешности. «Вопъ мои пошъшныя огни, и звонъ швоей панихиды,» говорилъ съ адскою улыбкою Шрейперфельдъ связанному Гедеону, кошорый проклиналъ его. Благодарижъ меня, чшо я памяшливъ: издалека приѣхалъ повеселишъ друга на свашьбу къ швоей дочери. Не крушишь,

Гедеонъ, и она ѣдепъ съ нами, полюбовавшись швоего смершю. Конрадъ! подведи бѣгуновъ спарикѹ и красавицѹ. Треймерзень! возьми двадцашъ удалцовъ на лучшихъ коняхъ, спунай впередъ провожащъ плѣнниковъ, и помни, чшо пы головою опвѣчаешъ мнѣ за цѣлосшь ихъ; Шшернъ расскажешъ тебѣ, куда ѣхашъ и гдѣ съхашся, — спѣши!»

Бушеваль вихоръ по бору, шучи набѣгали грядами; изрѣдка блѣдный лучъ мѣсяца сверкалъ на черныхъ лапахъ Гофлейшовъ Эдгардовыхъ и снова скрывался въ распоргнутыхъ облакахъ. Раскапы опда-леннаго грома сливались съ шумомъ водопада Наровскаго, къ кошорому приближались они; все предвѣщало бурю.

Гаупшманъ! сказалъ Шрейшерфельду рейшаръ Шшольцъ, вопъ мѣсно, куда назначено собирашся всему шшандарну нашему, и Ашаманъ осадилъ коня своего. «Слѣзай, scomандоваль онъ; разведише огонь, шоварищи; лошадей въ коноводъ, часовыхъ на дорогу; опдыхайше.»

Подъ вѣковыми соснами, на полянѣ,

запылали прескучія вѣшви, и свирѣпыя лица Гофлейшовъ мелькали на заревѣ сквозь дымъ, какъ привидѣнія злыхъ духовъ. — Иные убирали коней, другіе пекли мясо на палахахъ своихъ; вино лилось, и громкій смѣхъ разносился вѣшпромъ. Угрюмъ лежалъ Ашаманъ подлѣ коспра, завернувшись въ плащъ, и дикіе взоры его, блуждая окрестъ, неперѣтливо кого-то искали. Эшо непоняшно! наконецъ вскричалъ онъ, эшо непросишительно; Треймерзенъ долженъ опередить насъ, а его нѣтъ до сихъ поръ; или онъ заблудился или пошелъ дальнею дорогою; но въ обоихъ случаяхъ онъ споишъ веревки.

Wer da? раздалось на дорогѣ. — Freund! оповѣчалъ голосъ; «эшо онъ, эшо Треймерзенъ!» Нѣтъ! всѣ ошиблись. Лапникъ прыгнулъ съ коня, хладнокровно опнулся подпруги, размундшпучилъ своего буцефала, и тогда уже подошелъ къ огню; эшо былъ Гофлейшъ, именемъ Фромгольдъ.

«Здорово, пріятели! здравствуй Гаупшманъ! гдѣ воевалъ, гдѣ ны спраншвовалъ? — Ба! да у васъ пиръ горой, и водка и вина; браво, шоварищи! эшо кшати

моему поспѣльному желудку. Ваше здоровье! сегодня я такъ оплошалъ, что долженъ былъ два раза спягивать поршунцею, боясь потерять её вмѣстѣ съ палашомъ.» Между тѣмъ онъ приспально работалъ руками и зубами. «Спранное дѣло! продолжалъ Фромгольдъ, передъ ужиномъ шло мое прыгало въ кирасѣ шуда и сюда, какъ сухой орѣхъ въ скорлупѣ своей, а шеперь надо распускать пряжку за пряжкою. — Товарищъ Германъ! не въ службу, а въ дружбу, задай овса жеребцу моему; онъ такъ скакалъ вчера, какъ будто и ему грозила висѣлица.» Скажи пожалуй, откуда ты взялся? спросилъ его Шрейперфельдъ. «Бездѣлка, Гаупшманъ! чуть чуть не изъ пещли. Мнѣ захошѣлось подѣлаться съ однимъ богатымъ Шведскимъ дворянчикомъ: говоря ихъ языкомъ, я пробрался къ нему на мызу, кошорая верспахъ въ соіока опѣ Нарвы; тамъ выдалъ себя за Шведскаго офицера, будто бы ѣдущаго изъ Ношебурга въ Ревель, и сначала всё шло удачно. Смерклося; меня оставили ночевать; я пошпихоньку осѣдмалъ коня, пробрался къ кладовой и лишь шолько хошѣлъ

палашемъ уговорить къ сдачѣ желѣзной сундукъ весьма привлекательной наружности — вдругъ слышу по всему дому тревогу. Видя, что меня узнали, я выпрыгнулъ въ окно, и ожидалъ удовольствія бытъ пропкнутымъ рогатиною. Шпоры въ бокъ вороному — и мы за рвомъ, и мы въ полѣ, а тогда поминай какъ звали. Зная, что наши удалцы часто дѣлають здѣсь привалы, я пробрался сквозь чащу — и на эшопъ разъ обоняніе не обмануло меня — превеликолѣпный ужинъ, особенно для того, кто обѣдалъ наизусть; бьюсь объ закладъ, эшо маленькая подашь съ Русскихъ купцевъ.» Прямо съ боярскаго стола, любезный Фромгольдъ; прямо изъ подъ Луги, опшѣчалъ Фрейманъ. «Изъ подъ Луги? смѣешься или шупишь надо мной? дойши до неё легко, но воропишься опшоль очень трудно.» Однако возможно, сказалъ Шрейперфельдъ, я не разъ госпилъ въ границахъ Русскихъ и за непремѣнное положилъ побываць подъ Лугою, Гофлейшамъ для добычи, себѣ для забавы. Лѣсами и околицами тихо пробрались мы къ деревнѣ одного боярина, съ кошорымъ мнѣ нужно было расчи-

шашься. — Онъ праздновалъ стговоръ дочери; рейшары мои окружили домъ, а въ немъ никто еще не зналъ объ опасности. Надобно было видѣшь каршину, когда явился я между пирующими госпиями: хмѣль и спрахъ приковалъ ихъ къ лавкамъ, спаканы замерли въ рукахъ, куда дѣвался и смѣхъ и веселоспъ! «Ты упалъ какъ громъ съ неба? прервалъ его, смѣючись, Фромгольдъ. Но принесть адскія новоспи, продолжалъ Ашаманъ; — услышавъ приговоръ свой, многіе осмѣлились бранишь меня, но свинець залилъ имъ горло. Крикъ, спонъ, плачь, пальба — однимъ словомъ, сердце не нарадовалось. О добычѣ спроси у рейшаровъ: паргами хопъ моспъ моспи, серебра въ волю, въ винъ и коней купали, а на дорогу себѣ я запалилъ такіе факелы, что за двадцать верспъ можно было счишашъ сѣдые волоски въ усахъ моихъ.

Wer da? закричалъ спорожевой Гофлейпъ; ошвѣшна не было. Фромгольдъ придвинулъ къ себѣ палашъ, Ашаманъ положилъ руку на прикладъ карабина. Въсперъ завывалъ, и порывами наносилъ крупныя

дождевыя капли. »Чорпъ возьми, если ше-
бѣ не привидѣлось,» сказала часовому Фром-
гольдъ, подкладывая въ огонь сухія вѣшви,
»изъ храбрости своей ты радъ окликашь
каждую ворону, побою же испуганную.» —
Кому охота въ такую ночь прогуливаться
по дремучему лѣсу! И шакъ въ двои сущ-
ки вы здѣсь? обратился онъ рѣчь къ Шрей-
шерфельду, но зачемъ избралъ ты ша-
кую дальнюю въ Линневарденъ дорогу?
или боялся погони или войска Липовскаго?»
Поспой, прервалъ его Ашаманъ; кажется,
я слышу конской топотъ: — Фромгольдъ
припалъ ухомъ къ землѣ. Да, почно; вспа-
вай поварищи! Загремѣлъ Шрейшерфельдъ,
и Гофлейшы поднялись какъ пѣни. Топотъ
приближался. »Свой,» ошвѣчали шрое запы-
хавшихся всадниковъ, на окликъ часоваго,
и въ два мгновенія спояли уже передъ
Ашаманомъ. »Наконецъ вы здѣсь, съ радо-
стію произнесъ онъ, увидя съ ними полу-
мертвую Евпраксию; но гдѣ Треймерзенъ?
гдѣ другіе?» — Всѣ погибли, ошвѣчалъ Тил-
лейнъ, всѣ убиты; проклятый женихъ эпой
дѣвчонки, невѣдомо какъ, ускользнулъ опъ
висѣлицы, собралъ слугъ и сирѣльцовъ,

заскакалъ намъ впередъ и перерѣзалъ до-
рогу — дѣло было жаркое, поварищи на-
ши легли — спарикъ спасся; но мы прое-
успѣли ускакать съ дочерью. — Какъ! вскри-
чалъ Шрейперфельдъ, скрипя зубами, его
опбили? его увезли? Духи адскіе! когда
перестанете вы играть мною! придицавъ
лѣтъ искалъ я его; нашелъ и пошерялъ
въ одну минушу, — но тебя, Евпраксія,
тебя ни какія силы не вырвутъ изъ рукъ
моихъ — пы заплашишь мнѣ за опца своего
— и онъ медленно поднималъ шапу ея, на-
слаждаясь ужасомъ невинной жертвы. На-
прасно обнимала она колѣна варвара, на-
прасно молила его; ни слезы, ни юность,
ни красота не пронули злодѣя, закоренѣ-
лаго въ пресупленіяхъ. — Злобно захо-
палъ онъ, взводя курокъ пистолеша, и по-
влекъ Евпраксию, привязавъ къ дереву.
»Пусть опецъ швой спокрашно умираетъ
въ тебѣ, покуда я не вырву изъ него ду-
ши,» произнесъ онъ. А! кольцо обручаль-
ное! разбойникъ сорвалъ его съ руки нес-
частной; оно обручишь тебя съ смертью,
оно мило тебѣ, оно будетъ въ сердцѣ
швомъ; — снявъ, опустилъ онъ его въ

дуло.» Мольбы швои безплодны, продолжалъ Шрейшерфельдъ, прицѣливаясь — выспрѣль раздался, и — не спало Евпраксиі.

»Бейте разбойниковъ, воскликнулъ невѣдомый голосъ и выспрѣлы полетѣли со всѣхъ споронъ. Всеволодъ съ конными спрѣльцами врѣзался въ средину испуганныхъ нечаянностію Гофлейшовъ. »Милоспи просимъ,» кричалъ ему Ашаманъ, и положилъ на мѣспѣ двоихъ изъ карабина. »Комнѣ шоварищи!» и мечъ его засверкалъ, какъ молнія. Съча была ужасна: кони и воины падали другъ на друга, свинецъ поражалъ беспсрашныхъ, ломались сабли на панцыряхъ, лешѣли искры мечей и верхи лапѣ разбишыхъ — и пылающій косперъ озарялъ умирающихъ. Окреспность звучала кликами опчаянья и меспи, громы земные спорили съ громомъ небесъ; наконецъ склонилась побѣда на спорону правую; Гофлейшы, задавленные лапами, не умѣли сражаться пѣшкомъ и, скользя на влажной шравѣ, падали и опсшупали. Уже шолько шесшери опшалося опо всего шшандарша ихъ; Шрейшерфельдъ рубился какъ опчаянный. »Фрейманъ! кричалъ онъ од-

ному изъ сражающихся, вспомни Линневарденъ и не измѣни своему прозвищу; свободными жили мы, вольными должны и умереть.» Но Фрейманъ палъ опъ руки Беспужева, копорый, не зная своего несчастья, вездѣ искалъ Евпраксию. Юный Всеволодъ размахомъ сѣкиры сокрушилъ въ дребезги и мечъ и нарамникъ Шрейшерфельда. Сдайся, злодѣй! воскликнулъ онъ, снова подъямля сѣкиру, сдайся! или умрешь ны безоруженъ; — но не побѣждень, опивѣчалъ Ашаманъ, ринувшись на Всеволода и списнувъ его желѣзными руками: долго кружились они по скользкому берегу. »Гибни со мной,» произнесъ Шрейшерфельдъ — и оба полетѣли въ бездну.

Взошло солнце весеннее, и озарило несчастнаго опца надъ пѣломъ дочери. Горько плакалъ онъ; но, смиряясь передъ испытующимъ перспомъ Судьбы неисповѣдимою, оставилъ долину смерти, и скоро палъ за родину, подъ знаменами Пожарскаго. — »До сихъ поръ, говоришь боязливо преданіе, въ часъ полуночи, когда молніи блестящъ въ черныхъ валахъ пороговъ Наров-

скихъ, вспаешъ ужасный призракъ надъ рѣкою, и шѣни душегубцевъ блуждающъ по полю. А шамъ, гдѣ свершилось убійство, гдѣ лилась кровь неповинная, и шправка не въѣхъ, и ласпочка не въѣхъ гнѣзда своего.»

Медленно, съ грусною душою удалился я отъ пороговъ, и далекій шумъ водопада пробуждалъ въ памяти моей отголосокъ давно и недавно минувшаго.

»Тебя ждущъ, сказалъ Генераль, и мы помчались впередъ, и вошъ уже въ Чирковицахъ, за 4 спанціи до Пешербурга.

Чшо скажу я о дорогѣ и спанціяхъ? И Русскіе и Нѣмцы брали съ насъ — какъ и вездѣ — дорого: — эшо не мудрено; но случалось, кормили весьма худо — и эшо неприяшно. Любезные земляки наши и Эспанцы не упускали случая спянухъ, чшо плохо лежало; но пропажа была шолько въ первую дорогу, шеперь же все въ цѣлости: — не вѣдаю, чему приписать шаконъ феноменъ! или мы спали ошпорожнѣ или проводники чешнѣ.

Въ госпинцы вамъ, друзья мои, везу нѣсколько рогулекъ Ревельскихъ. — »Чшо эшо за вещь, спросише вы?» По правдѣ

сказашъ, не слишкомъ знаменитая; она, она не менѣе и не болѣе какъ булка; но если вы примите на себя трудъ, разсмотрѣвъ ее съ почтеннымъ собираедемъ древностей, Г. Х-мъ, въ характеристическомъ отношеніи, то и она по угловатой гошической фигурѣ своей займешъ не послѣднее мѣсто между сайками и калачами и, вѣроятно, составившъ историческое звено происхожденія народовъ.

КРАСНОЕ СЕЛО.

8 Часовъ вечера.

Спутники наши поѣхали на Царское село, а мы съ брашомъ пьемъ здѣсь чай. Еще два часа, и я въ Петербургъ! Чѣмъ ближе подѣзжаю къ нему, тѣмъ болѣе желаю свидѣться съ друзьями и родными! тѣмъ сильнѣе бьется решивое! — Хорошо въ госпяхъ, говоришъ пословица; но гдѣ лучше, какъ не дома. Такъ взлѣтѣвшая къверху спирѣла возвращается даже опъ неба яснаго и, быспрѣй, быспрѣй несешся къ родной землѣ.

Сижу подъ окномъ и размышляя о будущемъ, вспоминая бывшее, мнѣ пришло въ мысль, какъ, полшора года тому назадъ, во время манѣвровъ я чунъ не ушонулъ не-

подалеку отсюда. Возвращаясь верхомъ изъ Краснаго села часовъ въ десять вечера и желая проѣхать ближнею дорогою въ деревню, гдѣ канипонировалъ нашъ эскадронъ, я потерялъ бойную пропу и тѣхаль наудачу. Вы знаете, что Петербургъ окруженъ подземными болошами, на кошорыхъ плывучіе мхи и расптѣнія образуютъ обманчивую плену. Не замѣчая, что конь мой началъ прорываться, я понуждалъ его далѣе и далѣе — наконецъ онъ прыгнулъ еще впередъ, еще рванулся и — осылъ: обманутый правою, ядумалъ въ прехъ шагахъ найши берегъ, и шпорами заспавилъ его прыгнувъ впередъ, снова огрузнувъ; поздно уже я замѣпилъ неоспорожностъ свою, голосъ мой исчезъ бы въ пустой окружности — и я зналъ это! холодный потъ выступилъ на лицѣ, волосы поднялись дыбомъ, въ воображеніи моемъ изобразились всѣ разсказы о подобныхъ несчастіяхъ — конь мой рвался и бился, вода фоншаномъ брызгала изъ пробойнъ и клокопала подъ корою — окружностъ колебалась, бездна засасывала. Умираешь такимъ образомъ и въ такія лѣта — ужасно!

Наконецъ я спрыгнулъ съ коня моего, и, ежеминутно обрываясь самъ, не желая однако же бросить на погибель поварища моего несчастія, ободрялъ его голосомъ и поводомъ, и вошь спунилъ съ радостнымъ біеніемъ сердца на твердую землю. Вообразишь, какой праздникъ для меня, какая холя коню моему!

Зачѣмъ, подобно Руссо, не могу я переливать чувствъ своихъ въ мысли, а мыслей въ краснорѣчіе? Тогда бы разсказъ мой развился леншею самоцвѣтною! Но какъ бы то ни было, вошь перечень прехнедѣльнаго моего сущесгвованія, каковъ онъ есть, каковъ я былъ. Можешь спашься, друзья мои, лѣтъ черезъ двадцать, можешь и ранѣе, когда соберемся въ кружокъ поспаринному, когда вздумаеися кому нибудь развернуть эшу, вамъ посвященную, шепрадь раннихъ моихъ заблужденій и когда улыбка воспоминанія порхнеетъ на лицѣ моемъ — вѣрно холодный опытъ, заглянувъ черезъ плечо, скажешь: »шы во многомъ ошибался, шупъ много пущаго.»

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

(1) Въ Ревелѣ ночью нахшвехперы не бьютъ, а сви-
шу¹тъ часы.

(2) Клубъ сей получилъ названіе отъ складчины пер-
выхъ основателей онаго; каждый учаспокъ назывался
акціею, каждый вкладчикъ акціонеромъ. Теперь
Акціонъ-Клубъ наиболѣе поддерживается дворянствомъ
Эспонскимъ, приѣзжающимъ къ 1 числу Марша на
контракты, а въ Іюнѣ мѣсяцѣ на ярмонку.

(3) Екаперинен-шаль, лучшее гулянье Ревельцевъ, лѣ-
помъ; шамъ живутъ они на дачахъ и шамъ же при-
ѣзжіе берутъ морскія ванны.

(4) Съ нимъ соединились (по Аридпу) Князь Липов-
скій Венцеславъ и Епископъ Ордена. Вальдемаръ при-
плылъ въ Эспонию 1217 года; при года воевалъ съ
Эспами съ перемѣннымъ счастьемъ, и послѣ одного
самаго жаркаго дѣла учредилъ Орденъ Данен - Брога,
будто бы въ память знамени, упавшаго съ неба на спо-
рону Дашчанъ.

(5) Бурею занесенные Нѣмцы на приморскій берегъ
Двины проложили Рыцарямъ путь въ Ливонію, шакъ
названную по имени Ливовъ (Ливъ), при Двинскомъ
устьѣ обитавшихъ. Крестовые походы и миссіи вос-
пламеняли тогда всѣ умы, занимали всѣ силы Европы;
Священникъ Августинскаго Ордена Мейнгардъ, изпро-
ся у Владиміра позволеніе, первый проповѣдалъ въ
Ливоніи Слово Божіе въ 1184 году; крестилъ многихъ
Лепшповъ и Ливовъ и построилъ первую церковь въ

Иксулъ (Икескола) или, какъ говорятъ другіе, въ Кирхгольмѣ. Новообращенные идолопоклонники скоро опрелись отъ Христіанства и грозили сжечь или упоиить проповѣдниковъ, прибывшихъ изъ Бремена. Папа Целеспинъ III объявилъ опущеніе грѣховъ, наравнѣ Палеспинскими Рыцарями, шѣмъ, кпо захочетъ сѣлчипсья для наказанія Ливонскихъ опспульниковъ, и въ 1198 году Миссіонеръ Берпольдъ съ войскомъ Нѣмецкимъ приплыль въ Двину, мечетъ проповѣдыватъ спасеніе; но былъ скоро убиъ въ сраженіи пропиву Ливовъ. Оспальные шоварищи его погибли измѣною коварныхъ враговъ. Ревность къ Вѣрѣ не умалилась неудачами. Въ томъ же году Епископъ Бременскій Альбертъ Буксгевденъ съ шеспью спами крестноносцевъ явился на берегахъ Двины, построилъ въ 1200 году Ригу, воздвигъ многія церкви, укрѣпилъ свои завоеванія крѣпостями и замками; однимъ словомъ, между пысячами опасностей, въ безпрестанной борьбѣ съ эгоизмомъ своихъ и варварспвомъ покоренныхъ, основалъ сильную Республику Ливонскую и Орденъ Меченосцевъ, или брашьевъ креса Господня. Папа Иннокенцій III далъ симъ духовнымъ Рыцарямъ спашупъ Тампліеровъ; но Орденъ сущеспвовалъ полько 34 года. Неудачи его въ дѣлахъ съ Липвою и Эспонцами, принудили Магистра Вольквина просипъ Гросмейспера Тевпонскаго Ордена, славнаго Германа Зальца, о присоединеніи Меченосцевъ къ Рыцарямъ Тевпонскимъ. Совершенное разбиіе Вольквина въ 1237 году, Рингольдомъ Княземъ Липовскимъ, гдѣ онъ потерялъ жизнь съ 2000 своихъ, ускорили рѣшеніемъ дѣла, и Папа Григорій IX благословилъ соединеніе Орденовъ: — вопъ какимъ образомъ пришли Рыцари Нѣмецкіе и завла-

дѣли всею Ливонією. Леппы или Лапыши и Ливы много способствовали Нѣмцамъ въ покореніи земляковъ своихъ; особенно храбрый прозелипъ Кобо или Копо, (владѣтель Коббеселя), опъ котораго ведутъ свое начало фамиліи : Ливеновъ и Кошкулей, опличился ревностию къ Вѣрѣ.

(6) Наспоящая эпоха вспуленія Ревеля въ число Ганзейскихъ городовъ не опредѣлена. Однако въ 1284 году о немъ упоминается уже какъ о городѣ Ганзейскаго Союза.

(7) Взяшь на щипъ — значило тогда разграбить въ концѣ.

(8) Спарѣйшины Ордена изумились, услышавъ, что Русскіе впорглись въ Ливонію; они праздновали въ это время на свашбѣ какого-то Ревельскаго Командора.

(9) Гермейсперъ Фюрстенбергъ не согласился на предложеніе Грознаго: опказаться опъ достоинства Орденскаго, за полученіе власпи Герцогской, но подъ покровительствомъ Русской Короны, и умеръ въ Москвѣ, въ започеніи.

(10) Когда Князь Шуйскій въ 1558 году осаждалъ Дерпшъ, сей достойный гражданинъ предлагалъ все, что онъ имѣлъ, для спасенія города, говорилъ и драгся какъ патріотъ; но это уже было поздно. Ни золото, ни храбрость не помогли Рыцарямъ. Городъ сдался, Орденъ сокрушили.

(11) Герцогъ Магнусъ Гошпшинскій, сынъ Датскаго Короля Христіерна III, промѣнялъ брата своего, Фридриху II, часть Герцогства Шлезвигскаго, ему въ

наслѣдство доставшуюся, на Епископства Эзельское и Пильпенское (чпо въ Эстоніи), купленные Фридрихомъ въ 1559 году отъ Епископа Мюннгаузена, копорый не имѣлъ никакого права ихъ продать. Епископъ Морицъ Врангель послѣдовалъ сему постыдному примѣру, и вошъ причины, по копорымъ Магнусъ имѣлъ припязаніе на часпъ Эстоніи. Іоаннъ Грозный, женивъ его на одной изъ своихъ родственницъ, объявилъ Царемъ всей Ливоніи, попомъ започилъ въ землицу, и цѣлый вѣкъ свой Магнусъ былъ игрищемъ судьбы и деспотовъ.

(12) Спрѣмецкій Голова Кошкарровъ въ 1560 году, съ двумя сопнями Русскихъ, заставилъ бѣжать войско Гопарда Кешлера, осаждавшее Лаисъ; а Иксуль въ 1558 году съ 400 воиновъ около мѣсяца пропивился Русскимъ, и во время шпурма хотѣлъ умереть на послѣднемъ камнѣ разбидаго города. „Нѣмцы сидѣли на смерпъ,“ пишетъ нашъ лѣтописецъ; но Рускіе, уважая храбростъ, выпустили остальныхъ съ честію.

(13) Сынъ перваго учителя Великаго Петра.

(14) Капитанъ плѣннаго корабля, называемаго: Принцъ Карлъ, ужиная въ день сраженія у Адмирала Чичагова, сказалъ ему: „мы ошиблись въ разчетѣ: думали угощать васъ, и нечаянно попали къ вамъ въ госпи.“ На это была воля великаго хозяина міра, былъ отвѣтъ Адмирала.

(15) Маншіи Рыцарскія, по спашупу, были бѣлыя, съ чернымъ на лѣвой сторонѣ креспомъ. Но въ ХѲ вѣкѣ черный цвѣтъ спалъ параднымъ; тогда же вошли въ моду шпибель-манжеты и фишбейны. Дамы носили мѣховыя шапки, косынки и передники, унизанные жем-

чугами; шпофныя и глазетовыя плащя. На головѣ, на шеѣ, на рукахъ — кольца, мониспы и ожерелья безъ всякаго вкуса. Плешшенбергъ, желая ограничить роскошь, опредѣлить расходы и одежду всякаго по сословію, но это не помогло.

(16) Другой монастырь, котораго ошатики видны въ Ревелѣ, построены во имя Св. Михаила, за 20 лѣтъ до заложенія города, Эрихомъ II, Королемъ Дапскимъ. Коцебу написалъ довольно забавный романъ о упомянутомъ подземномъ ходѣ.

(17) Е. Баратынскій.

(18) Въ Номѣ къ Карлу XII, которою, объявляя войну Швеціи, Россія доказывала законность приписаній своихъ на Эстонию.

(19) Здѣсь однажды случился презабавный анекдотъ: одинъ иноспранецъ, искавъ клуба *Erholung* (отдохновенія), ошибкою зашелъ въ *Einigkeit*, гдѣ двое Нѣмцевъ подрались въ сѣняхъ. Онъ заспалъ ихъ въ самомъ жару ратоборства и спрашивалъ, не спутъ ли ондыхъ? „Какой ондыхъ? отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, пузя другаго; здѣсь согласіе!“ Was ist die Erholung? hier ist Einigkeit!

(20) Въ скромномъ дворцѣ Екатеринен-талъскомъ хранятся нѣкоторыя инструменны и одежда Петра Великаго; а въ домикѣ, стоящемъ у пруда, показывающъ при кирпичи, собственноручно имъ въ спѣну вложенныхъ.

(21) Спороникъ, значило вспарину по же, что теперь парпизанъ и фуражиръ вмѣстѣ. Они шли спороною и впереди арміи, грабили окрестности, обхо-

дили, беспокоили неприятеля, доставали языковъ и привозили войску съѣстные припасы.

(22) По взятіи Линневардена въ 1577 году, по приказу Іоанна, Гаспарду фонъ-Мюнстеру, Маршалу Ордена, выкололи глаза и заѣкли его розгами.

(23) Чепыресста человекъ дворянъ, по взятіи Вендена Русскими, заперлись въ замокъ, и, видя жестокости ихъ, рѣшились сжечь себя, а не отдаваться въ плѣнъ; опслужили обѣдню и бросили огонь въ пороховой погребъ. Это было въ 1557 году. Но Де-ла-Гардѣй, взявши въ 1581 году Нарву и Венденъ, превзошелъ варварствомъ и самыхъ Ташаръ.

К О Н Е Ц Ъ.